

ЗАВОЕВАТЕЛИ

— Роджер Кроули —

КАК

ПОРТУГАЛЬЦЫ

СОЗДАЛИ ПЕРВУЮ

МИРОВУЮ ИМПЕРИЮ

Memorialis

Роджер Кроули

**Завоеватели. Как
португальцы построили
первую мировую империю**

«Центрполиграф»

2015

УДК 930.85
ББК 63.3(0)4

Кроули Р.

Завоеватели. Как португальцы построили первую мировую империю / Р. Кроули — «Центрполиграф», 2015 — (Memorialis)

ISBN 978-5-227-07632-8

Книга британского историка Роджера Кроули посвящена эпохе великих завоеваний и географических открытий XV–XVI вв. За неполные тридцать лет правления короля Мануэла I португальским мореходам удалось укротить ветра Атлантики, покорить океаны и утвердиться в неизведанных землях – Васко да Гама открыл морской путь в Индию, Педру Кабрал достиг берегов Южной Америки, Франсишку ди Алмейда стал первым вице-королем Индии, Афонсу ди Албукерк основал колонии в Персидском заливе и Малакке. Автор живо и ярко описывает жизнь и подвиги этих бесстрашных мореплавателей, кораблекрушения, морские сражения и другие суровые испытания, выпавшие на долю основателей первой мировой империи. Роджер Кроули также рассказывает о навигации и кораблестроении, торговле, дипломатии и развитии науки в период португальской экспансии, который ознаменовал начало Нового времени.

УДК 930.85
ББК 63.3(0)4

ISBN 978-5-227-07632-8

© Кроули Р., 2015
© Центрполиграф, 2015

Содержание

Пролог. Нос Европы	7
Часть первая. Рекогносцировка: путь в Индию. 1483–1499	11
Глава 1. Индийский план. 1483–1486	11
Глава 2. Гонка. 1486–1495	22
Глава 3. Васко да Гама. Октябрь 1495 – март 1498 года	31
Глава 4. «Черт тебя побери!». Март – май 1498 года	43
Глава 5. Заморин. Май 1498 – август 1499 года	52
Часть вторая. Завоевание: монополии и священная война. 1500–1510	62
Глава 6. Кабрал. Март 1500 – октябрь 1501 года	62
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Роджер Кроули

Завоеватели. Как португальцы построили первую мировую империю

Copyright © Roger Crowley, 2015

Maps © András Bereznay

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2017

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2017

* * *

*С благодарностью Паскалю, который вдохновлял и поддерживал
меня в этом путешествии.*

Большое тебе спасибо.

*Греки или римляне устанавливали морские границы.
Португальцы владеют морем безраздельно.*

Фернанду Песоа

Пролог. Нос Европы

20 сентября 1414 года в Пекин впервые привезли жирафа. Ведомый своим хозяином-бенгалийцем, жираф шествовал к императорскому дворцу сквозь толпы горожан, желавших поглазеть на диковину «с туловищем оленя, хвостом быка, с мягкими рожками на голове и шкурой, покрытой блестящими пятнами, точно это не зверь, а рыжее облако или мираж» – так описывал явление жирафа придворный поэт Чжэн Ду. Животное было признано безобидным и даже кротким – «его копыта не опасны для человека... он поводит глазами, точно лань, вызывая у видящих это изумление и восторг». Это был подарок императору от султана далекого Малинди в Восточной Африке, экзотический трофей одной из самых необычных и блистательных морских экспедиций за всю историю мореплавания, запечатленный на современной картине. В течение 30 лет XV века Юнлэ – император из новой династии Мин – отправлял в западные моря свои эскадры, дабы продемонстрировать могущество империи. Императорский флот был огромен. Первая экспедиция в 1405 году насчитывала около 250 судов и 28 тысяч человек команды. Флагманы – массивные суда-сокровищницы – многопалубные, в девять мачт джонки длиной 440 футов, были по новейшей методике того времени разделены на отсеки водонепроницаемыми перегородками и снабжены огромными рулями. Их сопровождали многочисленные вспомогательные суда – военные, а также везущие лошадей, солдат, провиант и воду. Связь осуществлялась посредством флажков, фонарей и барабанов. В состав экспедиции входили толмачи, сведущие в западных варварских наречиях, и летописцы, которым полагалось вести хронику событий. Провианта везли из расчета на год, дабы не зависеть от местных обстоятельств. Маршрут, пролежавший через самое сердце Индийского океана – из Малайзии в Шри-Ланку, определялся по компасам и астрольбиям в огранке из слоновой кости. Говорили, что суда-сокровищницы, или «звездные плоты», настолько совершенны, что годятся для путешествия даже на Млечный Путь. «Наши паруса, плывут высоко, точно облака в небе, – указывал летописец. – День и ночь ведут они нас, скорые, точно звезды, по бешеным волнам». Командовал эскадрой евнух-мусульманин Чжэн Хэ, дед которого совершил паломничество в Мекку, также известный под именем Ма Саньбао, что значит «Три сокровища». Всего легендарных экспедиций было семь – шесть во время правления Юнлэ и еще одна в 1431–1433 годах. Каждая продолжалась два-три года и охватывала гигантские территории в Индийском океане – от Борнео до Занзибара. Имея солидные средства защиты от пиратов, достаточные, чтобы захватить власть в иных землях, и большой груз товаров для обмена, китайские мореплаватели не преследовали ни военных, ни экономических целей, но главным образом стремились показать мягкую силу, уведомить прибрежные государства Индийского полуострова и Восточной Африки о могуществе Китая, избегая вступать с ними в конфликт. Не было и речи о военной оккупации или препятствиях для свободной торговли. Наоборот, гости всячески демонстрировали, что Китай скорее дает, чем забирает, – «отправиться в дикие земли... и преподнести им дары, дабы поразить их демонстрацией нашего могущества». Они везли с собой дары, рассчитывая поразить воображение дикарей, свергнуть варваров в благоговейный страх перед величием заморской цивилизации. И расчеты их оправдались. Вскоре потрясенные послы из варварских земель потянулись с ответным визитом к Юнлэ, дабы выразить свое восхищение его империей, которая по праву занимает центральное место во вселенной. Заморские дары – драгоценные камни, жемчуг, слоновая кость, экзотические животные – служили не только символом признания превосходства Китая. «Число наших вассалов увеличилось, – читаем в хронике, – за счет стран на краю земли». Под краем земли летописец подразумевает окраины Индийского океана, хотя китайцы хорошо представляли себе, что находится за его пределами. К тому времени, когда европейские мореплаватели только начинали проникать

в Восточную Африку, строя догадки о соединении океанов и возможных очертаниях континента, китайцы, похоже, успели все разведать. В XIV веке в Китае была создана карта, на которой Африка имеет форму треугольника с большим озером посередине и реками, текущими на север.

Через год после появления в Китае жирафа на берега Африки, за 21 тысячу морских миль от Пекина, прибыла иная сила. В августе 1415 года португальский флот, пройдя Гибралтар, взял штурмом мусульманский порт Сеута в Марокко, одну из самых надежно защищенных крепостей Средиземноморья, имеющую стратегическое значение. Покорение Сеуты ошеломило Европу. В начале XV века население Португалии перевалило за миллион, но экономика, основой которой было натуральное хозяйство и рыболовство, приносила слишком скромный доход. Бедность не позволяла королям чеканить собственные золотые деньги, несмотря на все их честолюбие. Король Жуан I, внебрачный сын Педру I, основатель Ависской династии, захватив трон в 1385 году, провозгласил независимость от соседней Кастилии. Кипучая энергия правящего класса должна была найти применение в новой военной кампании, представленной в духе средневекового рыцарства, как новый крестовый поход. Португальцам выпал шанс омыть руки в крови неверных, которым они с готовностью воспользовались. Грабежи и резня, продолжавшиеся трое суток, опустошили город, некогда подобный «цветку среди всех городов Африки» и бывший «ее вратами и ключом». Жестокая расправа над Сеутой дала понять европейским соперникам Португалии, что маленькое королевство сильно, энергично и находится на подъеме.

24 августа в городской мечети, срочно переименованной в церковь Богородицы Африканской, сыновья Жуана – Дуарте, Педру и Энрике, – отличившиеся при штурме крепости, получили из рук отца рыцарское звание. Для юных принцев это был судьбоносный момент. В Сеуте португальцам впервые приоткрылись сокровища Африки и Востока. Здесь сходились все караваны, следовавшие через Сахару с золотом, добытым на реке Сенегал, с пряностями из Индии, которые торговцы-мусульмане везли затем в Европу. Сюда, согласно португальскому хроникеру, съезжались купцы «из Эфиопии, Александрии, Сирии, Барбарии, Ассирии... а также живущие по ту сторону реки Евфрат и в Индии... и из многих других земель за экватором». В Сеуте глазам европейских завоевателей предстали лавки, ломящиеся от дорогого товара – гвоздики, перца, корицы, – которые были тотчас безжалостно разрушены в поисках спрятанных сокровищ. Около 25 тысяч лавок было подвергнуто разрушению, а равно и жилища, искусно украшенные восточными коврами, с просторными подземными бассейнами, выложенными узорной плиткой. «Наши бедные дома – просто свинарники, – писал очевидец, – по сравнению с домами в Сеуте». Именно здесь Энрике впервые задумался о богатствах, что кроются за экватором, под защитой исламских крепостей, образующих барьер вдоль побережья Африки, который необходимо сломать, чтобы овладеть богатствами. Сеута ознаменовала начало португальской экспансии, стала отправной точкой нового мира.

Португалии было суждено оставаться в стороне от средиземноморской торговли и вообще новых веяний. Эпоха Возрождения прошла мимо португальцев. Сидя на задворках Европы, они могли лишь с завистью взирать на богатые, процветающие города вроде Венеции и Генуи, где находились главные рынки восточной роскоши. Пряности, шелка и жемчуг поступали туда из мусульманских Александрии и Дамаска и продавались по монопольным ценам.

Зато им был открыт океан.

В 20 милях к западу от порта Лагос на португальском побережье имеется каменистый выступ, вдающийся в Атлантику, – мыс Святого Винсента. Это так называемый нос Европы, крайняя юго-западная точка континента. В Средневековье тут заканчивалась география, далее лежала полная неизвестность. Скалы, широкий водный простор, волнуемый никогда не стихающим ветром. На западе кривая горизонта прерывается, исчезает из вида –

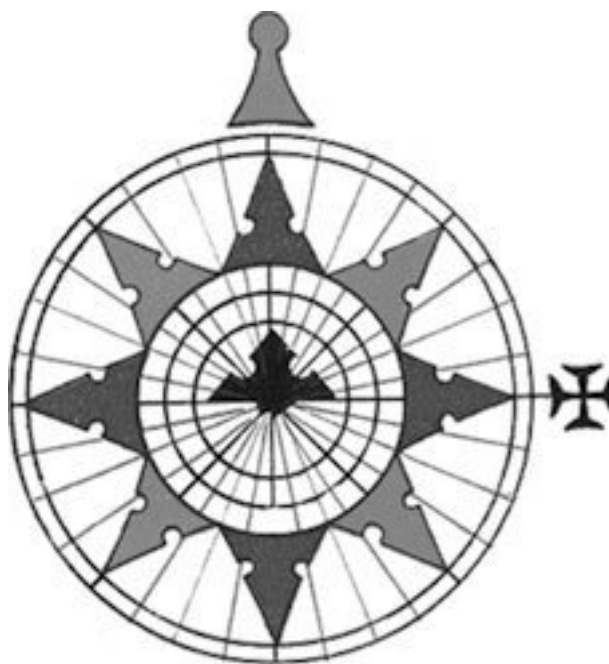
там, где по вечерам тонет в морской пучине солнце. Тысячи лет обитатели Иберийского полуострова глядели отсюда в бездну. Во время шторма вал за валом яростно обрушивается на скалы, вскипают среди волн пенистые буруны, повинувшись тяжелому ритму океана. Арабы, отважившиеся недалеко выходить в океан через Гибралтар, именовали западные акватории «зеленое море мрака»: таинственное, ужасное и, вероятно, бесконечное, издревле обросшее слухами и легендами. Римлянам были известны Канарские острова – нагромождение скал у побережья Марокко, названные ими острова Счастья, – начало отсчета долготы в восточном направлении. На юге простиралась загадочная Африка, но насколько широко и далеко – никто не знал. Античные и средневековые карты на папирусе и телячьей коже обычно изображали мир в виде круглой тарелки: посередине суша, вокруг океан. Неведомая европейцам Америка на картах отсутствовала. Античный географ Птолемей, высоко чтимый в Средние века, полагал, что Индийский океан – это внутреннее море, со всех сторон окруженное сушей, добраться до которого морским путем невозможно. И все-таки перспективы, что открывались с мыса Святого Винсента, были для Португалии весьма заманчивы. Португальцы, прирожденные рыбаки и мореходы, умели искусно лавировать в открытом море, знали секреты атлантических ветров, и по части мореплавания мало кто в Европе мог с ними сравниться. После взятия Сеуты они применяли эти знания и навыки, продвигаясь все дальше на юг вдоль африканского побережья, что наконец позволило им проложить морской путь в Индию.

Крестовые походы против мусульман в Северной Африке были тесно переплетены с морскими вояжами. Параллельно происходило возвышение Ависской королевской династии, правившей 163 года после покорения Сеуты. Это время ознаменовалось беспрецедентными достижениями португальцев в области мореплавания. Португальские моряки исследовали все западное побережье Африки, обогнули мыс Доброй Надежды и в 1498 году достигли Индии. В 1500 году португальцы высадились в Бразилии, в 1514 – в Китае и в 1543 – в Японии. Португалец Фернан Магеллан, состоявший на службе испанского короля, командовал первой кругосветной экспедицией, а также несколькими последующими. Начало этим проектам положила Сеутская кампания, предпринятая с целью обогащения, а также демонстрации националистического и религиозного превосходства над глубоко ненавистным европейцам исламским миром. Когда начались крестовые походы в Северную Америку, толпы португальских конкистадоров отправлялись через океан, чтобы впервые вкостить крови, приобрести аппетит к войне и насилию, а затем ехали в район Индийского океана за богатой добычей. Притом что в XV веке население Португалии примерно равнялось числу жителей одного лишь китайского города Нанкин, португальские корабли представляли собой более грозную силу, нежели целая армада Чжэн Хэ. Китайские экспедиции по стоимости и сложности осуществления были сравнимы с выстрелами из пушки по Луне – каждая обходилась в половину годового государственного дохода и была столь же малоэффективна. Пребывание китайцев в Индии прошло бесследно – как пребывание человека на поверхности Луны. В 1433 году, во время седьмой по счету экспедиции, Чжэн Хэ умер, предположительно в Каликуте на побережье океана, и был погребен в море. После его смерти экспедиции прекратились. Политика Китая приняла иное направление: императоры укрепляли Великую Китайскую стену, стремясь отгородиться от внешнего мира. Океанские вояжи попали под запрет, все хроники были уничтожены. В 1500 году постройка корабля с числом мачт более двух приравнивалась к государственной измене, а 50 лет спустя преступлением считался выход в море на любом судне. Технология изготовления звездных плотов была утрачена, канула в Лету, как тело Чжэн Хэ кануло в воды Индийского океана. Образовался властный вакуум, ждущий заполнения. Когда в 1498 году берегов Индии достиг Васко да Гама, местные жители мало что могли рассказать о пришельцах с бородами необычной формы, однажды прибывших на сказочных судах. Чжэн Хэ оставил единственное досто-

верное свидетельство своих путешествий: мемориальную доску с текстом на китайском, тамильском и арабском во славу Будды, Шивы и Аллаха соответственно. «Хвала Всевышнему, наши морские миссии в чуждые пределы прошли успешно. Мы избежали несчастий, как больших, так и малых, и благополучно завершили свой поход». Эта доска, памятник религиозной терпимости, находится близ города Галле в крайней юго-западной точке Цейлона (Шри-Ланки), где китайский флот повернул к северу, чтобы пройти вдоль западного побережья Индии и выйти в Аравийское море.

Португальцы были совсем не столь щедры и великодушны. Маленькая флотилия да Гамы с командой всего в 150 человек могла бы целиком поместиться внутри единственной джонки Чжэн Хэ. Один из индийских раджей, увидев, до чего жалки дары, что привезли ему гости, отказался их принять. Впрочем, португальцы прибыли не затем, чтобы разводить церемонии. Об их намерениях ясно свидетельствовали красные кресты на парусах и бронзовые пушки на палубах. В отличие от китайцев они приехали, чтобы забрать, а не поделиться. И обратно не торопились. Покорение новых территорий было важнейшим национальным проектом. Год за годом они укрепляли свои позиции, и вскоре вытеснить их стало невозможно.

Памятную доску в Галле венчают два китайских дракона, символически соперничающие в борьбе за мировое господство, но именно португальские моряки из примитивной Европы впервые соединили океаны, положив начало мировой экономики. Их заслуги сильно недооценены. В этой долгой эпопее смешалась навигация, торговля, технологии, деньги, религия, политическая дипломатия и шпионаж, морские сражения, кораблекрушения, безумная отвага, суровые испытания и чудовищная жестокость. В течение 30 лет, о которых пойдет речь в этой книге, Португалия переживала беспрецедентный в истории подъем, когда португальцы, под предводительством дюжины выдающихся строителей империи, пытались получить контроль над всем Индийским океаном и мировой торговлей, где в ту пору властвовали мусульмане. Попутно они построили морскую державу мирового масштаба, начавшую эпоху европейских завоеваний. Эра Васко да Гамы послужила отправной точкой для 500 лет западной экспансии и привела в действие силы глобализации, которые сегодня формируют мир.

Часть первая. Рекогносцировка: путь в Индию. 1483–1499

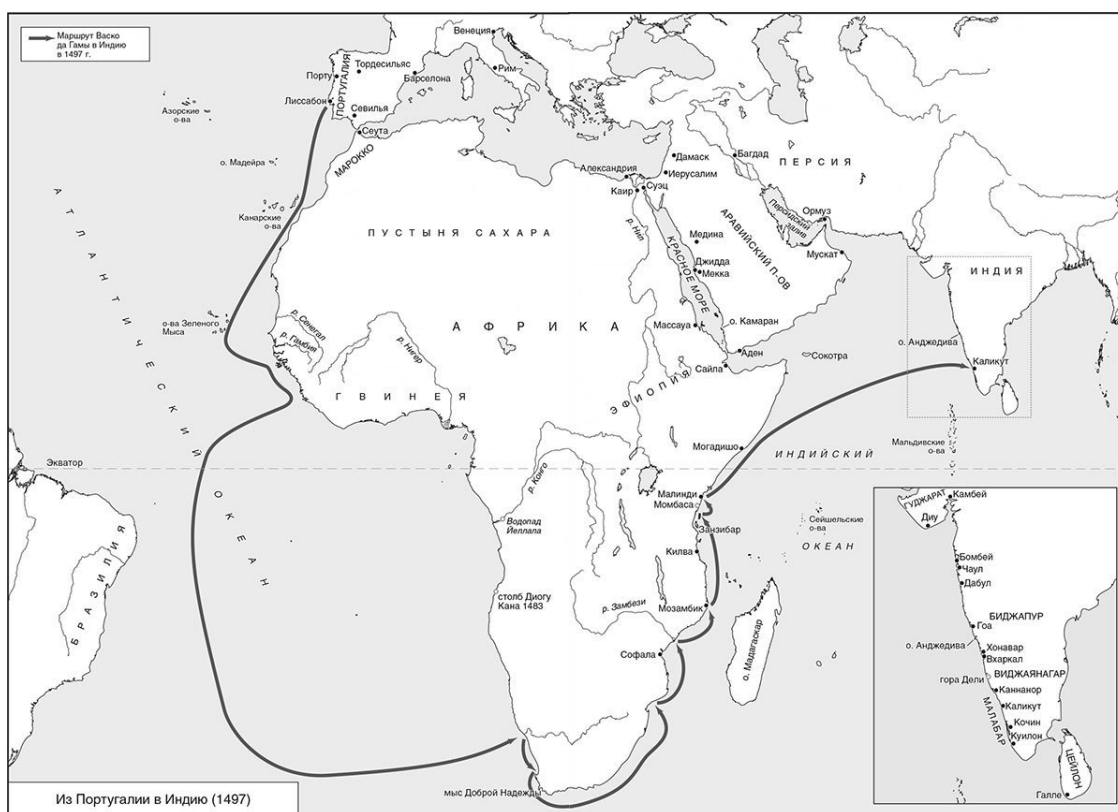

Глава 1. Индийский план. 1483–1486

13° 25' 7" ю. ш., 12° 32' 0" в. д.

В августе 1483 года группа обветренных, просоленных матросов устанавливала на берегу океана (ныне это Ангола) каменный столб высотой 5 с половиной футов, с железным крестом наверху. Под крестом имелось утолщение в форме куба, на гранях которого был выгравирован герб и надпись по-португальски: «В году 6681 от Сотворения мира и 1482 от Рождества Господа нашего Иисуса Христа его величество король Португалии Жуан II повелел Диогу Кану, дворянину, открыть сию землю и установить здесь сии кресты».

Памятный знак, точка на огромном Африканском континенте, обозначал самую дальнюю на тот момент границу проникновения европейцев к югу от Средиземного моря. Откровенное свидетельство жадности захватчиков, выражение их идеологии, менталитета и религиозных воззрений, а также вектор, указывающий, в каком направлении они намерены продвигаться – на юг вдоль западного побережья Африки, в поисках морского пути в Индию. Во время плавания Диогу Кан установил серию каменных столбов, изготовленных, вероятно, годом ранее, судя по расхождению в датах, в зеленых холмах Синтры близ Лиссабона и доставленных за 4 тысячи миль в мотающейся от качки каравелле. Это было частью декларации о намерениях, подобно флагу США, который американские астронавты взяли с собой на космический корабль, чтобы вскоре воткнуть его в лунный грунт. Стоя у этого столба, Кан видел, что береговая линия искривляется к востоку. Возможно, ему казалось, что Африку они вот-вот обогнут и им откроется путь в Индию.

Этот столб обозначил крайнюю точку путешествия Диогу Кана на побережье Западной Африки. Его воздвигли на мысе Кейп-Кросс в Намибии в январе 1486 г. и перевезли в Берлин в 1893 г.

Как и в случае с космической миссией «Аполлона», этому моменту предшествовали десятилетия подготовки. После Сеуты принц Энрике, вошедший в историю как Генрих Мореплаватель, принялся снаряжать экспедиции на западное побережье Африки в поисках рабов, золота и специй. Год за годом, миля за милей португальские моряки все дальше продвигались вдоль гигантского юго-западного выступа на африканском побережье, осторожно прощупывая путь при помощи отвесов, дабы не наткнуться на рифы и не сесть на мель. В процессе они определяли очертания и узнавали характер континента: пустынное побережье Мавритании, джунгли на берегах региона, который они называли Гвинея – Земля чернокожих, великие реки Экваториальной Африки: Сенегал и Гамбия. Под покровительством Энрике вооруженный грабеж и обмен шли рука об руку с этнографическими исследованиями и составлением карт. Каждый мыс и залив, что попадались на пути, наносился на карту, получая название в честь одного из христианских святых, по характерной черте или текущему событию.

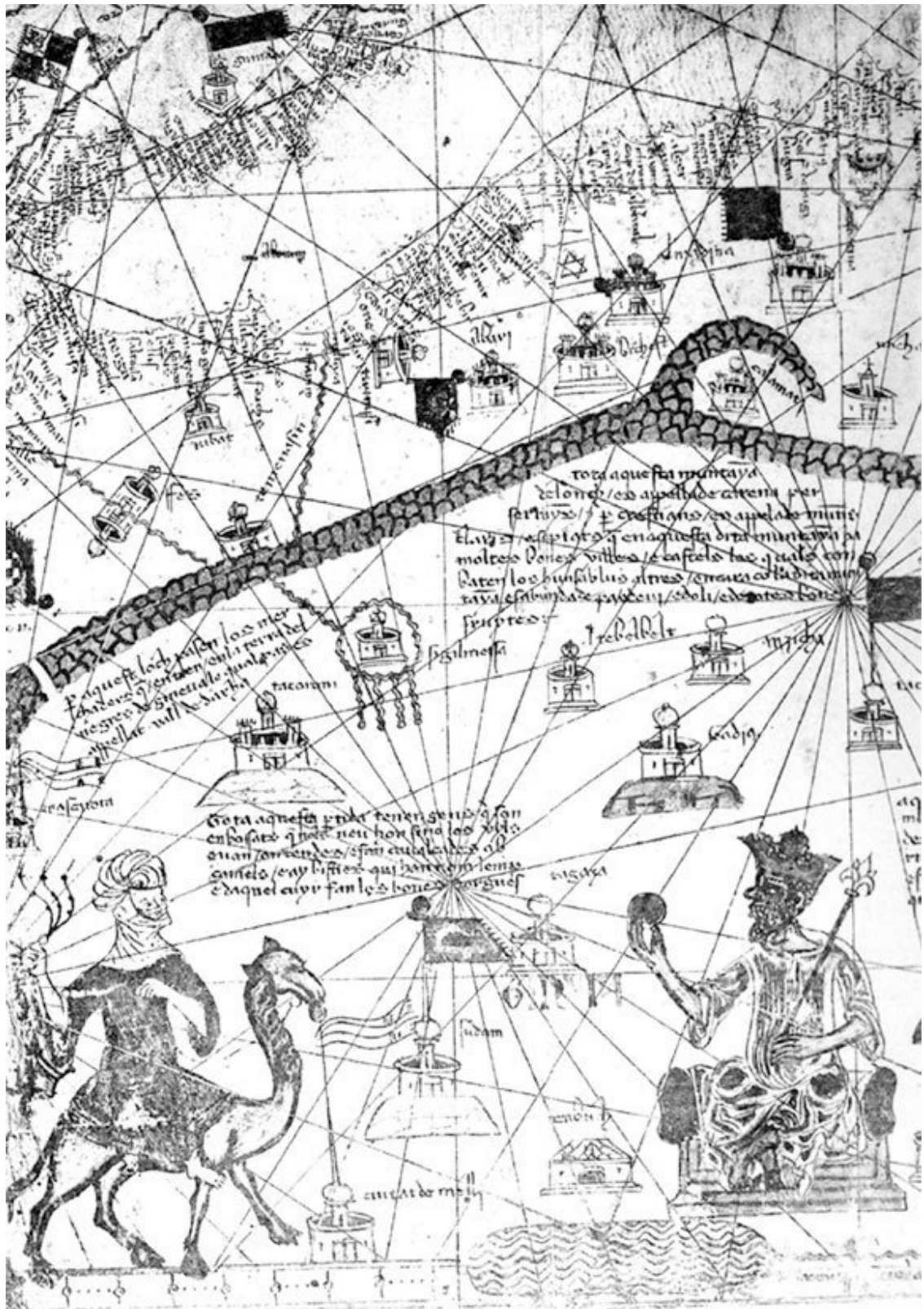
Размеры этих экспедиций были довольно скромны – они состояли из двух-трех судов под командованием вельможи из дома Энрике, хотя навигацию и управление судами осуществляли опытные капитаны, имена которых история не сохранила. В команду каждого судна входили стрелки-арбалетчики, готовые при приближении к незнакомым берегам в любой момент открыть огонь. Сами корабли, каравеллы, были изобретением португальцев, возможно арабского происхождения. Треугольные паруса позволяли им с успехом лавировать против ветра, что особенно пригодилось у берегов Гвинеи, плоское дно было удобно для захода в устья рек. Эти суда годились для исследовательских задач, хотя при небольших размерах – едва ли 8 футов в длину и 20 в ширину – не представлялось возможным разместить довольно провианта и снаряжения, чтобы совершать на них длительные путешествия. Португальцами двигали смешанные мотивы. Маленькая и бедная Португалия находилась на периферии европейской политики и претерпевала притеснения от могущественного соседа – Кастилии. После того как при Сеуте португальцам приоткрылся мир роскоши и богатства, Энрике и его последователи мечтали получить доступ к африканским ресурсам: золоту, рабам и пряностям.

У Энрике имелись географические карты, составленные на Майорке еврейскими картографами, где были изображены блестящие реки, ведущие в королевство легендарного мансы Мусы, «царя царей», который в начале XIV века правил империей Мали и владел сказочно богатыми золотыми приисками на реке Сенегал. Судя по картам, некоторые реки пересекали целый континент и соединялись в Ниле – факт, питающий надежду, что по Африке можно перемещаться посредством внутренних водных путей.

Королевский дом обратился к папе, представив свои будущие кампании как крестовые походы – продолжение борьбы против ислама. Португальцы изгнали арабов из своей страны гораздо раньше, чем их соседи – кастильцы. Португалия превратилась в государство с сильной национальной идентичностью, но аппетит к священной войне не утратила. В качестве воинов Христовых Ависский королевский дом рассчитывал повысить свой статус на европейской сцене, желая паритета с прочими европейскими монархами. На фоне охватившей Европу антиисламской фобии, подстегнутой вестью о падении Константинополя в 1453 году, португальцы получили от папы духовное благословение, финансовую поддержку и территориальные права на все земли, которыми именем Христа смогут овладеть. Папская грамота предписывала «захватывать, преследовать, брать в плен, покорять и подчинять всех сарацин, язычников и прочих врагов Христа... коих надлежит навечно обра-

тить в рабство». К действию призывала и жажда свершений. Энрике и его братья, англичане по матери (их матерью была Филиппа Ланкастерская – внучка английского короля Эдуарда III, а кузеном Генрих V, одержавший победу в битве при Азенкуре), воспитывались в атмосфере рыцарской отваги, пронизывающей королевский двор, средневековых рыцарских романов и с детства мечтали подражать своим легендарным англо-норманнским предкам. Лихорадка крестоносцев быстро распространилась среди португальского дворянства – фидальго, с их болезненной гордостью, безрассудной отвагой, жаждой славы и собственным кодексом чести, согласно которому *fidalgos*, то есть в буквальном переводе «люди благородные», жили, сражались и умирали и который пронесли с собой через все странствия.

В африканском проекте слышались отзвуки древней мечты о воинствующем христианстве, о победе над мусульманами, преграждающими путь в Иерусалим и к богатствам Востока. До наших дней дошли карты с изображением царственной фигуры в красном плаще с епископской митрой на голове, сидящей на золотом троне. Это легендарный христианский государь пресвитер Иоанн. Миф о пресвитере Иоанне возник в раннем Средневековье. В нем воплотилась вера в существование могущественного христианского монарха где-то по ту сторону исламского мира, с которым западное христианство могло бы объединиться для победы над неверными. В основу этой легенды легли рассказы путешественников и литературные подделки – вроде знаменитого письма XII века, якобы от самого пресвитера императору Византии с предложением помощи – и смутные догадки о существовании христианских общин вне Европы: несторианцев в Центральной Азии, последователей святого Фомы в Индии и древнего христианского царства в нагорьях Эфиопии. Рассказывали, что пресвитер Иоанн командует многочисленными армиями и сказочно богат: по словам одного средневекового автора, «могущество его и состояние в золоте, серебре и драгоценных камнях не имеют себе равных». Подданные его живут в домах из золота, а воины носят позолоченное оружие. К началу XV века фигура пресвитера нашла воплощение в реально существующих королях Эфиопии, а карты показывали, что добраться до его сказочного царства можно по рекам через сердце Африки. Более столетия блистательный мираж владел воображением португальцев. Карты, байки путешественников, смутные образы великих рек, пересекающих Африку, слухи о поразительных запасах золота, о могучих христианских правителях, чья поддержка поможет разрушить мусульманский мир: смесь полуправды, вымыслов и ложных географических данных щедро расцвечивала для португальцев картину мира и прибавляла упорства морякам, спускавшимся вдоль побережья Африки в поисках золотоносных рек, что ведут в царство пресвитера Иоанна. Каждый новый пролив, каждое речное устье рождали надежду, но путь был нелегок. Коварные бурные приливы затрудняли высадку на берег, местное население часто оказывало враждебный прием. Их ждали обширные лагуны и извилистые мангровые заросли в устьях рек, густые туманы, мертвый штиль и шквальные штормы в зоне экватора, жестокая тропическая лихорадка. В Гвинейском заливе разнонаправленные ветры и сильное течение с востока на запад заставляли надолго задержаться на берегу. Мало-помалу португальцы начинали понимать, что продвигаются к южной оконечности Африки и что путь к сокровищам Индии пролегает скорее через океан, чем по рекам. Однако форма и размер самого континента, в пятьдесят раз превышающий размеры Иберийского полуострова, оставались для мореплавателей загадкой в течение без малого 80 лет.

Фрагмент из каталонского атласа 1375 года, изданного на Майорке. Здесь изображен манса Муса с золотым слитком. К северу обозначена мифическая Золотая река, побережье Северной Африки и юг Испании

Идея об освобождении Европы из мусульманских тисков возникла равно по экономическим и идеологическим причинам. Португальцев чрезвычайно привлекала возможность

вести прямую торговлю с народами Центральной Африки и получить прямой доступ к африканскому золоту и пряностям – золотой самородок в руке султана Мали потрясал их воображение. Кроме того, их не оставляла надежда соединиться с пресвитером Иоанном и его мифической армией, чтобы атаковать мусульман с тыла. После смерти Энрике экспедиции в Африку на некоторое время прекратились, но затем, в 1470-х, продолжились под командованием внучатого племянника Энрике принца Жуана. Африканский проект получил новую жизнь, когда Жуан в 1481 году стал королем. Черная борода, удлиненное лицо с налетом меланхолии, вид «такой величавый и властный, что всякий признает в нем короля» – так описывали Жуана современники. Он «повелевал, не подчиняясь никому».

Жуан II, прозванный португальцами Совершенный принц, являлся, вероятно, одним из самых заметных европейских монархов своего времени. Изабелла, королева враждебной Португалии Кастилии и затем объединенной Испании, безмерно восхищалась Жуаном, говоря, что это «выдающийся муж и государь». Жуан поистине радел о делах государственных, и прежде всего его занимало исследование Африки: после его вступления на престол, в течение пяти лет было снаряжено несколько экспедиций. Жуан преследовал две главные цели: найти морской путь в Индию и добраться до легендарного царства пресвитера Иоанна. Выполнение этих целей он поручил Диогу Кану, команда которого и устанавливала кресты вдоль западного побережья Африки.

Однако в Лиссабоне, ставшем к началу 1480-х годов городом-лабораторией, где циркулировали и проверялись на достоверность идеи мирового устройства, были и другие предположения насчет возможного пути в Индию. Астрономы, ученые, картографы и торговцы со всей Европы устремлялись в Португалию за последними сведениями о форме Африки. Еврейских математиков, купцов из Генуи и картографов из немецких земель влекли шумные узкие улочки Лиссабона и бескрайние океанские просторы, открывающиеся за устьем реки Тахо (или Тежу), где швартовались португальские каравеллы, груженные черными невольниками, яркими попугаями, пряностями и самодельными картами. Благодаря интересу Жуана к мореплаванию из лучших научных сил был создан специальный ученый совет, куда входили, например, Хосе Визинхо, ученик великого еврейского астронома и математика Авраама Закуто, и будущий создатель старейшего из сохранившихся до наших дней глобусов немец Мартин Бехайм. Оба они принимали участие в экспедициях, проводя наблюдения за солнцем.

Жуан II: Совершенный принц

Летом 1483 года, пока Кан пропадал где-то у берегов Африки, генуэзский искатель приключений Кристофоро Колумбо, известный в Испании как Кристобаль Колон, он же Христофор Колумб, явился к королю в Лиссабоне с предложением поискать путь в Индию в противоположной стороне. К тому времени Жуан уже успел познакомиться с данной стратегией. Десятью годами ранее он получил письмо от знаменитого флорентийского математика и космографа Паоло Тосканелли. Тосканелли предлагал «маршрут в Индию, богатую пряностями, – маршрут более короткий, чем через Гвинею». Он утверждал, что, поскольку земля имеет форму шара, добраться до Индии можно, плывя либо на восток, либо на запад, причем второй маршрут выйдет короче. Если исключить барьер из неведомых тогда европейцам Америк, в своих расчетах Тосканелли допустил фундаментальную ошибку: он недооценил длину земной окружности. Но письмо и приложенная карта имели огромное значение для последующих событий, как на Иберийском полуострове, так и в мире в целом. Зная о письме Тосканелли либо имея его копию, Колумб смело обратился к королю Жуану за финансовой поддержкой для своей экспедиции. Король, человек широких взглядов, отправил его дерзкое предложение специалистам в ученый совет и стал ждать возвращения Диогу Кана.

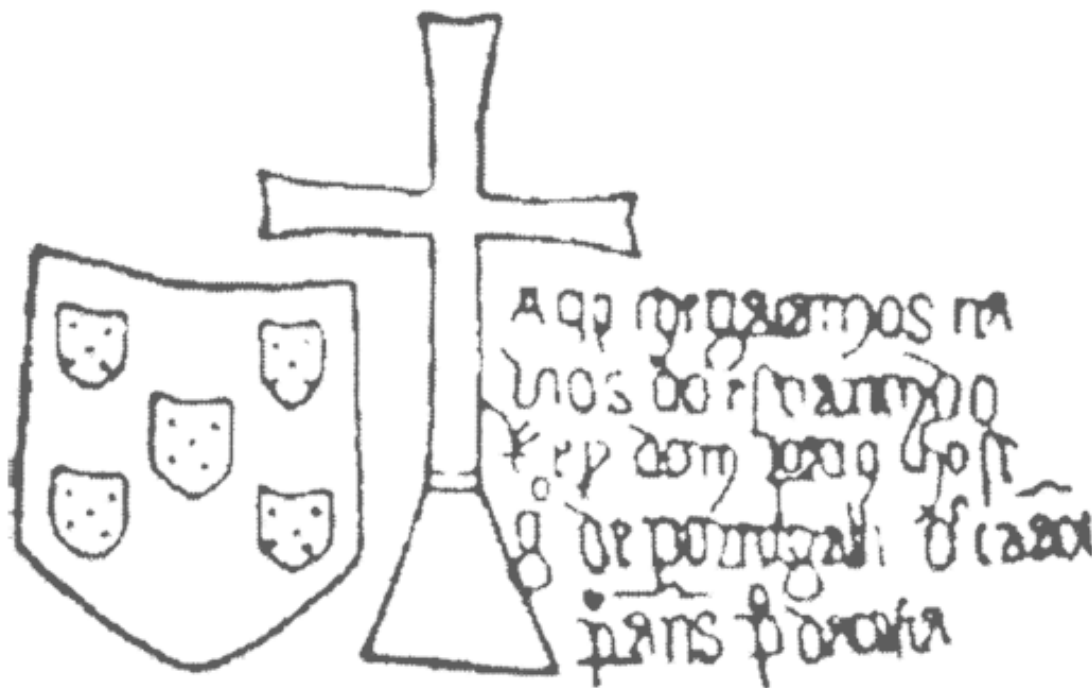
Кан вернулся в Лиссабон в начале апреля следующего, 1484 года и доложил, что побережье Африки резко искривляется к востоку. Подробно расспросив своего исследователя о результатах экспедиции, король остался весьма доволен. В благодарность он назначил Диогу

Кану большое годовое содержание и даровал ему дворянский титул с правом иметь собственный герб. Для герба Кан выбрал изображение двух столбов, увенчанных крестами. Он верил, что до Индии рукой подать и еще одна экспедиция решит дело.

Вести из Африки положили конец надеждам Колумба. Ученый совет при короле признал выводы генуэзских математиков ложными и постановил, что Колумб повторяет ошибку Тосканелли относительно размеров земного шара: оценивая расстояние до Индии, итальянец уменьшил их на четверть. Колумба сочли наглецом, а его финансовые притязания нелепыми. «Слыша, как невоздержанно и самоуверенно этот Кристофоро Коломбо расхваливает свои таланты, слыша его сомнительные суждения [о расположении японских островов], король не поверил ему, – писал португальский историк Жуан де Баррош. – Разочарованный, тот покинул короля и отправился в Испанию, где продолжал добиваться своего». В Испании Колумб представил план экспедиции Изабелле и Фердинанду в расчете получить поддержку от конкурирующего с португальцами королевского дома.

А Жуан тем временем не сомневался в успехе. В мае или июне 1485 года Диогу Кан в сопровождении Мартина Бехайма отправился в экспедицию, с новым грузом столбов, дабы воздвигнуть их на побережье Африки. Несколько месяцев спустя король Португалии провозгласил, что его моряки близки к завершающему прорыву. В ноябре его глашатай Васко Фернандес де Лусена составил для короля послание о подчинении новому папе Иннокентию VIII в выражениях националистического и религиозного экстаза. Касательно пресвитера Иоанна он писал: «Мы вправе надеяться на скорый выход в Арабское море, где есть царства и нации, о которых мы пока имеем лишь смутное представление, но которые, подобно нам, с великой ревностностью исповедуют святую веру Спасителя нашего. И если расчеты учений из наших географов верны, то португальским кораблям осталось всего несколько дней пути. Исследовав большую часть побережья Африки на расстоянии более 4500 миль от Лиссабона, разведав характер моря и суши в тех местах, реки, впадающие в океан, изучив движение небесных светил, год назад наши моряки приблизились наконец к ее оконечности, за которой лежит Арабское море. И этот богатейший край, гордость христианской веры, обретет в конце концов пастыря своего, в лице святейшего папы». Далее Лусена цитирует псалом 72 (71): «Он будет владычествовать от моря и до моря и от реки Евфрата до концов земли». Однако, судя по размаху королевских планов, название реки следовало бы заменить на Тежу.

Впрочем, когда это послание оглашали у папы, король был уже в курсе, что надежды его не оправдались. Находясь за тысячи миль от Португалии, Кан обнаружил, что побережье Африки, ведущее его в восточном направлении, снова уходит к югу и конца ему не видно. В ту осень, вновь проделав 160 миль на юг, Кан установил очередной столб. Тропики постепенно сменились полупустыней – вместо джунглей потянулись низкие песчаные холмы со скудной растительностью. Терпение закончилось в январе 1486 года, когда экспедиция достигла мыса, названного Кейп-Кросс (современная Намибия). На черных скалах, где нежались тюлени, был воздвигнут последний столб. Казалось, что Африка безгранична. Судьба Кана с этого момента теряется в бездне истории. Либо он умер на обратном пути в Лиссабон, либо король Жуан, разгневанный и обескураженный провалом публично превозносимой им миссии, сверг его в немилость и бесславие. Как бы там ни было, благодаря Кану на карте Африки появились еще 1450 миль западного побережья. А португальцы без усталости и страха продолжали вояжи в неизведанное, проворно шныряли по бурным волнам на своих каравеллах и исследовали великие реки Западной Африки в поисках сказочного царства пресвитера Иоанна или выхода в Нил. Многим эти авантюры стоили жизни. Кораблекрушения, малярия, ядовитые стрелы, безумие – смельчаки погибали, оставляя на память о себе столбы или другие отметки. Нет более пронзительного из таких свидетельств, чем надписи, выбитые моряками в скалах на водопаде Йеллала, что на реке Конго.

Надписи на скалах водопада Йеллала

Сначала сотню миль португальцы шли под парусом или на веслах, пробираясь через мангровые топи среди густо поросших лесом берегов. Течение постепенно набирало силу, и наконец их глазам предстала гигантская каменная стена, откуда с грохотом падали потоки воды, низвергаясь в скалистую пропасть из самого сердца Африки. Плыть дальше было невозможно. Они вынуждены были покинуть свои корабли и 10 миль карабкались по скалам в напрасной надежде найти коридор, пригодный для навигации. Поняв, что все усилия бесполезны, они решили оставить хоть что-то в память о себе. Высоко над пропастью, на самой круче, они выбили герб короля Жуана, крест и надпись: «Сюда добрались корабли великого монарха Дона Жуана Второго Португальского. Диогу Кан, Педру Анеш, Педру да Коста, Альвару Пириш, Перу Эшколар А...» Внизу справа рукой другого человека: «Жуан де Сантьягу, Диогу Пинейру, Гонсалу Альвареш, по болезни Жуана Альвареша...», и еще ниже одно имя: «Антан».

Обстоятельства, при которых появились эти надписи, обрывающиеся, точно последняя строчка в дневнике полярного исследователя, хотя и неясны, но, несомненно, трагичны. Вначале идут имена капитанов и штурманов – Диогу Кана и еще нескольких, – которые в тот момент находились за сотню миль. Наверное, Кан выслал людей разведать навигационные условия на реке Конго – они-то и расписались на скале. Оба списка обрываются почти одновременно. Можно предположить, что моряки были больны – вероятно, малярией, – слабы и не имели сил завершить начатое. Их могли спугнуть или атаковать, пока они ползали по скалам. Дата отсутствует, как и другие свидетельства этих событий, пребывавших под покровом тайны до 1911 года, пока здесь вновь не появились европейцы и не разглядели надписи на камне.

Португальцы нелегко расставались с верой в существование речного или пешего пути через Африку, позаимствованной из расписанных золотом трудов древних географов и картографов. Убежденность, что все великие реки Африки вытекают из Нила, что до царства пресвитера Иоанна уже рукой подать – и это на континенте, размеры которого они рассчитали неверно, – довлела над португальцами еще не одно десятилетие и стоила им многих

напрасных трудов. Король Жуан снаряжал многочисленные миссии за информацией, золотом и ради престижа, в том числе и на реку Конго. Одна из флотилий проделала 500 миль вверх по Сенегалу, но вынуждена была повернуть обратно близ водопада Фелу. Когда следующая экспедиция, исследовавшая Гамбию, встретила на пути непреодолимое препятствие в виде водопада Барракунда, Жуан направил туда инженеров, чтобы те взорвали речное дно, однако задача оказалась им не по силам. Одновременно в Африку отправлялись и пешие экспедиции. Небольшие группы, перейдя Мавританскую пустыню, посещали города Вадан и Тимбукту в землях народа малинке, где правил султан, известный как манса Манди. Кое-кто возвращался с рассказами об империи Мали, центре торговли Западной Африки, иные пропадали бесследно.

Жуана не смущали ни водопады на реках Гамбия и Конго, ни вечные штормы у побережья Африки, ни туманное местоположение загадочного христианского монарха. С поразительным размахом, последовательностью и упорством он продолжал свои исследования. В 1486 году, пока ученые географы в Лиссабоне корпели над уточнением карты мира, а Колумб доказывал испанским монархам, насколько выгоден его западный маршрут в Индию, Жуан снаряжал все новые миссии. В том же году литературный португальский пополнился новым существительным – *descobrimento*, что значит «открытие».

Глава 2. Гонка. 1486–1495

Среди сокровищ замка Святого Георгия в Лиссабоне, что стоит на высоком холме над рекой Тежу, хранилась роскошная карта мира. 30 лет назад эту карту изготовил монах-картограф из Венеции по заказу отца короля Жуана, Альфонсо, который просил представить на ней все последние на тот момент географические открытия.

Это было настоящее произведение искусства: очень подробная и красивая карта, блистающая золотом, морской синевой, с четкими изображениями городов-крепостей. Она напоминала огромный округлый щит 10 футов в диаметре и была по арабской традиции ориентирована на юг. От прочих современных карт эта карта отличалась тем, что Африка на ней впервые представала в виде обособленного континента и имела южную оконечность, которую картограф Фра Мауро назвал мыс Диаб. И хотя на более поздних картах очертания Африки были сильно откорректированы – благодаря открытиям португальцев, в своей работе Мауро также попытался опираться на принципы объективности и доказательности. В Венецию, имевшую обширные торговые контакты с Востоком, купцы и путешественники привозили более-менее достоверные данные относительно земель, лежащих вне Европы.

Карта содержит многочисленные текстовые комментарии синими и красными чернилами, составленные со слов очевидцев, таких как Марко Поло и странствующий купец Никколо де Конти, а также «сведений о новых открытиях, подтвержденных либо ожидаемых португальцами». «Многие считают и многие пишут, что умеренные области земли, где мы проживаем, не окружены с юга морем, но есть и много других свидетельств, – замечает Фра Мауро, – особенно от португальских моряков, которые, по велению своего короля, часто совершают далекие плавания и не раз самолично убеждались в противном».

Специальное внимание уделено островам, где производят пряности, и портам Индийского океана, представлявшим для португальцев особый интерес. Здесь Мауро оспаривает одну из истин птолемеевой географии, утверждающую, что Индийский океан – это внутреннее море. Он пишет, что в Индию можно добраться по океану, и в качестве доказательства приводит отчет античного географа Страбона о таком путешествии, а также рассказ – вероятно, от Конти – о китайской джонке, которая обогнула Африку с юга.

Карта Фра Мауро облекла в визуальную форму амбиции португальцев, а равно подчеркнула, сколь скудны в этом плане познания на Западе. Никогда прежде мир не ведал подобного разделения. Римская империя имела куда больше связей с Востоком, чем Европа в Средние века. Марко Поло прошел и проехал с караваном по Великому шелковому пути, находящемуся под контролем монголов, и вернулся через Индийский океан на китайской джонке. Записки о его странствиях вызвали огромный интерес, поскольку к XV веку все прямые контакты с Востоком были утрачены. С падением империи монголов караванные пути пришли в упадок. Китайская династия Мин, наследовавшая монголам, после нескольких удивительных экспедиций на звездных плотках ввела политику ксенофобии и самоизоляции. Свои представления о географии европейцы в основном черпали из сведений двухсотлетней давности. С юга Европу блокировали мусульмане. Османская империя преграждала европейцам путь в Азию, а династия мамлюков в Каире, контролирующая все подступы к сокровищам Востока, вела торговлю через Александрию и Дамаск, устанавливая монопольные цены. Об источниках пряностей, шелков и жемчуга, который арабы продавали венецианцам и генуэзцам, можно было только догадываться.

Охладев к своему фавориту, король Жуан все-таки не отказался от попыток отыскать христианское государство в чуждых пределах и морской путь в Индию. Более того, размах поисков значительно расширился. Король не упускал ни единой возможности, способной потенциально приблизить его к цели.

По его приказу два монаха отправились через Средиземное море с миссией собрать на Востоке информацию о пресвитере Иоанне. Что касается предложения Колумба насчет западного пути в Индию, то Жуан решил, что это тоже шанс. Он призвал фламандского авантюриста по имени Фернао де Ульмо, дал ему две каравеллы и поручил плыть в западном направлении 40 дней, причем снарядить экспедицию де Ульмо обязался на собственные средства. За это король даровал ему все земли, которые удастся обнаружить, с выплатой 10 процентов годовых в королевскую казну. Так Жуан хитроумно сбросил в частные руки предприятие сомнительной, судя по всему, выгоды, упускать которую, в случае чего, ему не хотелось. Однако обе его инициативы завершились ничем. Ульмо не смог собрать достаточно средств, а монахи не пробившись далее Иерусалима, потому что не говорили по-арабски.

Тогда король призвал верных ему и талантливых мореходов и путешественников, отобранных по способностям, а не социальному положению, дабы предпринять еще одну, последнюю попытку. В 1486 году развернулась подготовка кампании, которая должна была продлиться в три раза дольше обычного. На этот раз король хотел совместить выполнение обеих задач. Он решил, что одна экспедиция продолжит маршрут Диогу Кана и попытается обогнуть Африку. В команду войдут уроженцы Африки, которые по пути высадутся на берег и отправятся вглубь континента в поисках христианских государств либо информации о них. Неудачу предыдущей сухопутной миссии компенсирует вторая миссия из арабговорящих посланников. Эти проникнут вглубь Индии и разузнают о пряхностях, христианских монархах и возможности морского маршрута в Индийский океан.

В октябре 1486 года, вскоре после возвращения Кана – либо его кораблей, Жуан назначил одного из своих вельмож, Бартоломеу Диаша, командующим экспедицией, которая должна была отправиться на юг вдоль африканского побережья. Примерно в то же время и вторая – наземная – экспедиция тронулась в путь. Возглавлял ее Перу да Ковильян – сорокалетний путешественник, мореплаватель и шпион. Он не мог похвастаться происхождением, но обладал многочисленными талантами: в совершенстве знал арабский и кастильский языки, отлично дрался на мечах. Верный слуга короля, он долго прожил в Испании под прикрытием, выполняя секретные поручения, а также вел тайные переговоры в Марокко. Именно Ковильяну и еще одному отважному португальцу, говорящему по-арабски, Афонсу де Пайве, король доверил выполнение этой сложной операции.

Весной 1487 года, пока Диаш готовил корабли, Ковильян и Пайва проходили инструктаж у епископа Танжерийского и двух еврейских математиков, членов ученого совета, отказавшего Колумбу. Путешественники получили навигационную карту Ближнего Востока и Индийского океана с новейшими данными, доступными в Европе, – скорее всего, позаимствованными из работы Фра Мауро. 7 мая состоялась последняя тайная аудиенция в Сантаре под Лиссабоном, где король передал Ковильяну и Пайве верительные письма, которые надлежало вручить в Александрии. Среди присутствующих на аудиенции был восемнадцатилетний родственник короля дон Мануэл, герцог Бежу, для которого эта экспедиция будет впоследствии иметь особое значение.

Путешествие началось в Барселоне. Летом миссионеры добрались до христианского острова Родос, где пересели на другое судно, идущее в Александрию, ворота исламского мира. Но прежде раздобыли груз меда, дабы сойти за торговцев.

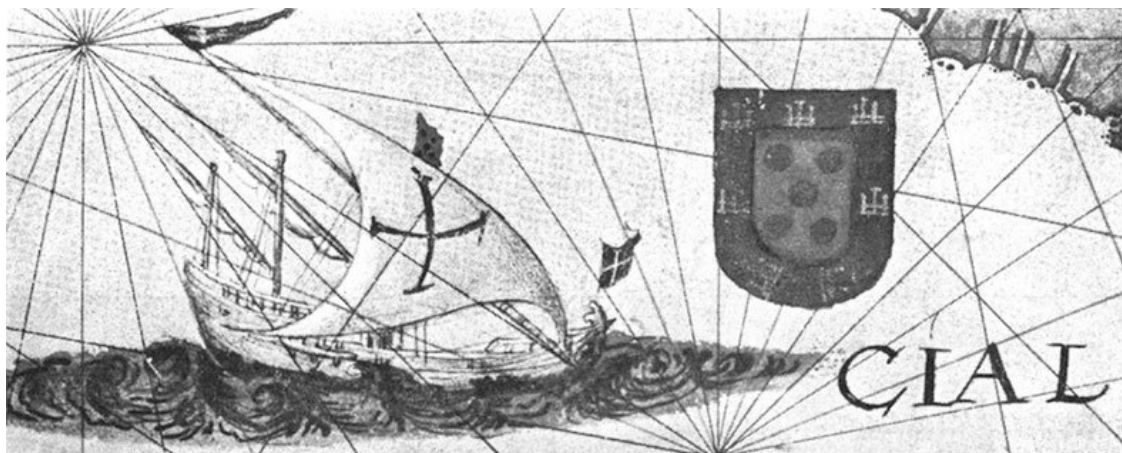
А в Лиссабоне Диаш был занят последними приготовлениями. Король дал ему две каравеллы и – поскольку плавание должно было занять длительное время – грузовой корабль для размещения дополнительного провианта, ибо «скудное питание или отсутствие оно на обратном пути ослабляет команду».

По примеру Кана эта экспедиция также везла каменные столбы, чтобы отмечать свое продвижение. Сам Диаш был очень опытный моряк, с ним ехали самые лучшие штурманы, и среди них Перу ди Аленкер, которому было суждено сыграть ключевую роль в Индий-

ских кампаниях. Аленкера высоко ценил король Жуан, говоря, что «его опыт и мастерство достойны восхищения, уважения и щедрых наград». Штурманом грузового корабля был Жуан де Сантьягу, чье имя было высечено на скале при водопаде Йеллала и который помнил местонахождение последнего столба.

Небольшая флотилия отплыла из устья Тежу в конце июля 1487 года. Это была одна из самых значимых, но и самых загадочных экспедиций в истории мореплавания. Современные источники почти не упоминают о ней – лишь вскользь, в виде примечаний на картах и в книгах, – точно хроникеры отвернулись и смотрели в другую сторону. Понадобилось 60 лет, чтобы подробности, маршрут и результаты экспедиции были наконец описаны одним из историков шестнадцатого века, по имени Жуан де Баррош. Изначальный план был утерян, но, зная ход экспедиции, де Баррош восстановил его содержание. Сначала путь, как обычно, лежал на юг, по маршруту Диогу Кана, мимо воздвигнутых им столбов. Далее часть команды высадилась на берег и отправилась вглубь континента – по суше или по рекам – на поиски царства пресвитера Иоанна. Эта операция, совместно с Пайвой и Ковильяном, составляла твердую и последовательную стратегию для решения загадки Азии. Диаша сопровождали шесть африканцев – двое мужчин и четыре женщины, которые были во время оно похищены Каном и обучены португальскому. Их надлежало посадить на берег, в хорошей одежде, с золотом и серебром, и отправить к туземцам, дабы они разнесли по округе весть о богатстве и щедрости португальского короля, чьи суда находятся на побережье, поскольку он ищет пути в Индию и особенно правителя по имени пресвитер Иоанн. Женщин взяли потому, что они имели меньше шансов погибнуть в племенных стычках.

Тем временем Ковильян и Пайва, добравшись до Александрии, подхватили лихорадку и находились при смерти. А Диаш миновал последний столб, установленный его предшественником, и продолжал двигаться к югу. Каждый мыс и бухта на его пути получали название в честь святого, благодаря чему можно датировать продвижение экспедиции: залив Святой Марфы (8 декабря), Святого Фомы (21 декабря), Святой Виктории (23 декабря). К Рождеству они достигли бухты, названной залив Святого Христофора. Уже четыре месяца продолжалось плавание. Юго-западные ветры и встречное прибрежное течение заставляли часто менять курс. Несколько раз на берег высаживали несчастных посланников, один из которых успел по пути умереть. Остальные так и пропали без вести – по крайней мере, более о них нигде не упоминается. В какой-то момент было решено оставить грузовой корабль с командой из девяти человек на берегах Намибии и двигаться дальше налегке. В течение еще нескольких дней две каравеллы тащились мимо пустынных холмов, а затем штурманы приняли неожиданное решение. Находясь около 29° ю. д., они прекратили изматывающую борьбу с прибрежными ветрами и течениями и развернули корабли на запад, в открытый океан, с намерением позже взять курс на восток. Трудно сказать, как это произошло. Возможно, это был запланированный маневр или момент просветления, интуитивный ход, подсказанный опытом предыдущих экспедиций, которые сталкивались с похожей проблемой, находясь, правда, к северу от экватора. Иногда им приходилось отплывать на запад, в Центральную Атлантику, чтобы оттуда западные ветры отнесли их на восток, обратно в Португалию. Может быть, Диаш с товарищами надеялись, что подобное явление существует и в Южной Атлантике. Так или иначе, момент был исторический.

Каравелла: идеальна для разведки, но маловместительна для длительных плаваний

За тринадцать дней, на полуспущенных парусах, каравеллы проделали почти тысячу миль в неизвестность. Антарктические широты встретили их холодом. Несколько человек умерли, но на 38° ю. ш. решение сменить курс начало себя оправдывать. Ветры стали переменными. Португальцы развернули корабли на восток в надежде, что вскоре достигнут африканского побережья, которое, как они полагали, все еще тянется с севера на юг. Прошло семь дней, но Африка так и не появилась. Тогда решено было взять курс на север. В конце января на горизонте возникли горные вершины, а 3 февраля 1488 года португальцы пристали к берегу в бухте, получившей название Пастушья. Проведя в открытом море около четырех недель, они сделали огромный крюк, миновав мыс Доброй Надежды и мыс Агульяс (Игольный мыс) – самую южную точку Африки, где встречаются Атлантический и Индийский океан.

Высадка проходила негладко. На берегу прибывшие увидели стада коров, которых пасли люди, «густоволосые и лохматые, как гвинейцы». Но пообщаться с пастухами не удалось. Штурман Перу ди Аленкер, который девять лет спустя вновь посетил Пастушью бухту, вспоминал, как было дело. Когда португальцы высадились и положили на берег дары, туземцы испугались и убежали. Потом моряки пошли к протекавшему неподалеку ручью, чтобы набрать воды, и с холма в них полетели камни. Диаш убил одного туземца из арбалета, после чего португальцы снова погрузились на корабли и проплыли еще две сотни миль вдоль берега, теперь следуя на северо-восток. Сомнений не оставалось – они обогнули Африку. Вода становилась теплее. 12 марта моряки пристали в очередной бухте и установили последний столб. Запасы заканчивались, команда была истощена и обессилена. Люди роптали, говоря, что нужно возвращаться к судну с провизией. Однако из-за огромной дистанции, отделявшей их теперь от судна, обратный путь вызывал опасения: доберутся ли они живыми? Диаш хотел плыть дальше, но по правилам столь важное решение полагалось согласовать на совете офицеров. Они следовали прежним курсом еще три дня, до реки, которую называли рио Инфанте, и там повернули обратно. Диаш, страшно разочарованный, был вынужден подчиниться общему решению. 60 лет спустя историк Жуан де Баррош предложил ретроспективное описание внутреннего состояния капитана: «Покидая столб, который он установил там, Диаш испытывал глубокую скорбь, будто прощался с сыном, обреченным на вечное изгнание. Он вспоминал об опасностях, с которыми пришлось столкнуться по пути сюда, о расстоянии, которое они преодолели, и о том, что главной награды Господь так и не даровал ему». «Он видел землю Индии, – писал другой хроникер, – но не мог войти туда, как Моисей в Землю обетованную».

А тем временем в Лиссабоне король Жуан ожидал вестей от Диаша или Ковильяна и прикидывал свои шансы в свете растущей между Испанией и Португалией конкуренции.

Придя к выводу, что исключить существование западного маршрута в Индию нельзя, 20 марта он издал указ, разрешающий Колумбу свободный въезд и нахождение в Лиссабоне – где ранее тот подлежал аресту за долги. Кавильян и Пайва как по волшебству избавились от лихорадки. Сев в лодку, они спустились по Нилу из Александрии в Каир, затем с караваном пересекли пустыню и морем добрались до Адена. Там они расстались: Пайва направился в Эфиопию, полагая, что это и есть царство пресвитера Иоанна, а Ковильян – в Индию.

В это время Диаш следовал вдоль африканского побережья к востоку, и вскоре глазам его предстал мыс Доброй Надежды. Это было историческое открытие, опровергающее догмы птолемеевой географии: Африка, как выяснилось, окружена морем. Баррош указывает, что сначала этот мыс носил название Штормовой, но затем король Жуан переименовал его, поскольку за ним открывался путь в вожделенную Индию, найти который было так нелегко.

Команда грузового судна просидела на пустынных берегах Намибии девять месяцев, уныло ожидая возвращения каравелл и не зная, вернутся ли они. К возвращению Диаша 24 июля 1488 года из девяти человек осталось только трое – остальные погибли от рук туземцев в схватке за товары, привезенные для обмена. Вероятно, среди них был и брат Бартоломеу, Перу. Один из уцелевших, Фернау Колаку, больной и слабый корабельный клерк, умер, завидев возвращающиеся каравеллы. Говорили, что от радости.

Грузовой корабль был источен червем. Забрав припасы, моряки сожгли его на берегу и взяли курс домой. В декабре 1488 года их потрепанные каравеллы вошли в устье реки Тежу. За шестнадцать месяцев плавания Диаш открыл 1260 новых миль побережья и впервые обогнул Африку. О его возвращении мы знаем лишь благодаря заметке на полях в одной из книг Христофора Колумба, который в то время находился в Лиссабоне и, очевидно, был свидетелем отчета Диаша перед королем: «Стоит заметить, что в декабре этого года, 1488, в Лиссабон на трех каравеллах прибыл Бартоломеу Дидакус (Диаш), которого король отправлял в Гвинею на поиски неведомой земли. Говорит, что проделал еще 600 лиг за последней отметкой, т. е. 450 лиг к югу и затем 150 лиг на север, к мысу, который он назвал мыс Доброй Надежды. Судя по всему, этот мыс находится в Агисимбе, на долготе 45°, в 3100 лигах от Лиссабона. Свое путешествие он подробно обрисовал и изобразил на таблице, лига за лигой, с тем чтобы затем представить королю. Я присутствовал оба раза».

Широта, упоминаемая Колумбом, вызвала жаркие споры среди историков, однако не приходится сомневаться, что он присутствовал при разговоре, благодаря которому вскоре преобразятся все географические карты. Диаш совершил два важнейших открытия: он доказал, что существует морской путь в Индию в обход Африки, и исследовал режим ветров в Южном полушарии, открыв наилучший способ обогнуть континент. Как выяснилось, чем тащиться вдоль побережья, лучше сделать крюк в западном направлении, а там западные ветры подхватят корабль и перенесут его мимо южной оконечности Африки прямо в Индийский океан. Это открытие явилось венцом исследований, продолжавшихся 60 лет. Неясно только, удалось ли Диашу донести эту мысль до короля, который стал теперь очень недоверчив и скуп на почести и публичные похвалы, ожидая, вероятно, более веских доказательств. Год спустя король произнес речь, практически повторяя сказанное ранее на папском приеме: «... каждый день мы стремимся в эти пределы... а также в пески Нила, которые приведут нас к Индийскому океану, к несметным сокровищам в Варварском заливе (Sinus Barbaricus)». Минуло еще девять лет, прежде чем открытия Диаша были оценены по достоинству. Колумб же, ощутив, что королю он более не интересен, вернулся в Испанию.

А Ковильян продолжал свое путешествие. Осенью того года на торговом судне он пересек Индийский океан и оказался в Каликуте (Кожикод) – отправном пункте для торговцев пряностями и перевальном для тех, кто держал путь далее. К началу 1488 года Ковильян, вероятно, достиг Гоа, потом переправился в Ормуз – еще один ключевой порт на побережье

Индийского океана. В пути Ковильян собирал и тайно записывал информацию о торговых маршрутах, ветрах, течениях, портах, политике местных правителей. Крайним пунктом его путешествия стал город Софала, расположенный далеко на юге на острове Мадагаскар, где заканчивалась арабская навигация. В Каир он вернулся в 1490 или начале 1491 года и узнал, что Пайва умер, так и не добравшись до Эфиопии. Странствия Ковильяна продолжались без малого четыре года. А между тем их уже разыскивали. На поиски Жуан отправил двух евреев – раввина и сапожника, – которые смогли узнать Ковильяна, столкнувшись с ним на улице в Каире, и передали ему письма короля. Король велел, не побывав у «великого государя пресвитера Иоанна», в Лиссабон не возвращаться. Ковильян написал королю длинное послание и отправил его с сапожником. Он писал о торговле, о навигации в Индийском океане и что «его каравеллы, которые часто навещают Гвинею, ища пути на остров Мадагаскар и Софалу, могут легко достичь восточных морей с городом Каликут, потому что везде там вода».

Ковильян, за годы странствий приобретший вкус к бродяжничеству, решил завершить дело Пайвы, но истолковал королевский приказ довольно свободно. Он сопровождал раввина в Аден и Ормуз, а затем, переодевшись арабом, в одиночку отправился в священные для мусульман Мекку и Медину – прежде, чем пробираться в Эфиопию. Так Ковильяну, первому из португальцев, довелось познакомиться с человеком, известным как пресвитер Иоанн, христианский правитель Эфиопии. В действительности звали его Искандер (Александр). Он с почестями принял Ковильяна, но отказался отпускать его. 30 лет спустя Ковильяна встретила очередная Португальская экспедиция. Он прожил в Эфиопии до самой смерти.

Диаш и Ковильян, дополняя друг друга, начертали вполне достоверный маршрут в Индию. Индийский план был выполнен, хотя неизвестно, когда король получил доклад Ковильяна и получил ли вообще. Так или иначе, правитель Эфиопии все-таки приехал в Лиссабон – по просьбе папы, которому Жуан отправил послание для пресвитера Иоанна, изъявляя желание наконец обрести в нем друга – «исследовав все побережье Африки и Эфиопии». Видимо, письмо Ковильяна дошло по назначению. Итак, в начале 1490-х годов сложились благоприятные условия для последнего рывка на Восток и объединения мира. Но этого не произошло. Наоборот, наступил восьмилетний перерыв в экспедициях. Жуана занимали другие проблемы: изматывающие военные кампании в Марокко, куда он ввязался по долгу короля-крестоносца, и болезнь почек, которая в конце концов его погубила. Судьба словно изменила королю. В 1491 году его единственный сын и наследник Афонсу упал с лошади и разбился насмерть. В 1492 году Португалию наводнили евреи, изгнанные из соседней Испании. Страна не была готова к нашествию огромного числа беженцев, пусть трудолюбивых и образованных. Их присутствие требовало постоянного внимания. В следующем году короля ждал еще один удар: 3 марта 1493 года в порт Рештелу под Лиссабоном, где обычно швартовались каравеллы, притащилось потрепанное иностранное судно. Это был Колумб на своей «Санта Марии», который якобы побывал в Индии (современные Багамы, Куба, Гаити и Доминиканская Республика).

Неизвестно, как Колумб, этот отъявленный лжец сомнительного происхождения, оказался в Лиссабоне, хотя следовал в Испанию, где его ожидали патроны – испанские монархи. Может быть, в устье Тежу его забросило штормом. Либо он хотел уязвить короля Жуана, ранее отказавшего ему в покровительстве. Колумб утверждал, что в Португалии ему оказали королевский прием. Португальские источники более сдержанны в оценках почестей, оказанных Колумбу при дворе. Там его сочли «надутым фантазером, который на словах бессовестно преувеличивает трофеи своей экспедиции в золоте, серебре и прочих ценностях». Но Колумб также привез пленников-туземцев, внешность которых потрясла короля. Это были не африканцы. Эти люди выглядели именно так, как Жуан представлял себе жителей Индии. Впрочем, нельзя было с уверенностью сказать, в какой земле побывал хвастливый генуэзец и

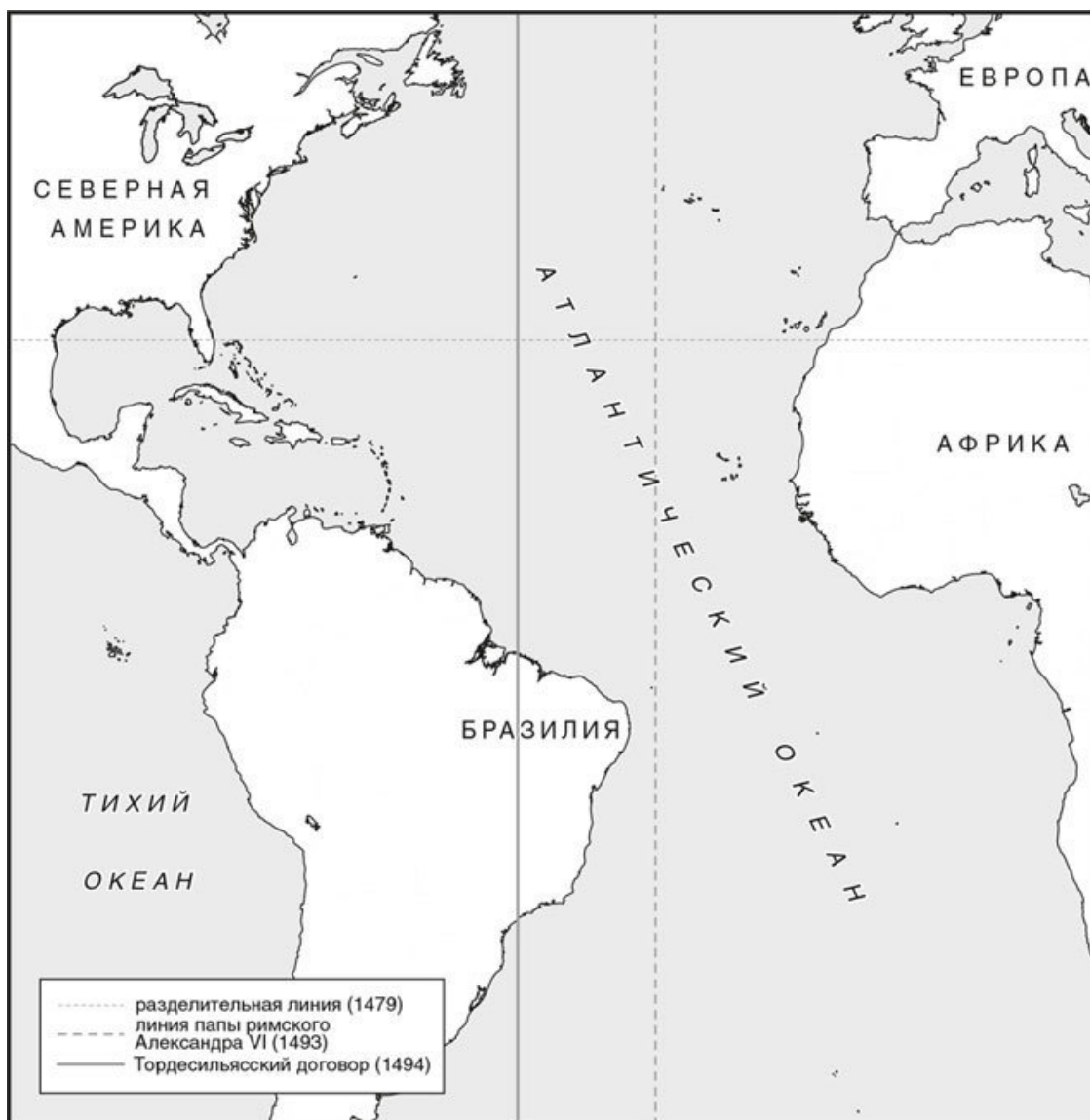
где захватил своих пленников. Советники короля предлагали простое решение: тайно убить Колумба, чтобы о его открытиях никто не узнал. Жуан отверг этот совет из моральных и дипломатических соображений: отношения с Испанией были и без того натянуты. Взамен он направил Фердинанду и Изабелле суровую ноту, чтобы уведомить их, что Колумб вторгся на территорию Португалии.

В 1479 году, под конец войны, Португалия и Испания заключили соглашение о границе, проведя воображаемую горизонтальную линию через Атлантический океан, определяющую зоны исследований. Соглашение ратифицировал папа. Жуан был убежден, что земли, которые открыл Колумб, находятся в португальской зоне, и приготовился послать туда собственную экспедицию. За разрешением спора Испания обратилась к папе Александру VI. Папа Борджиа, испанец по происхождению, решил дело в пользу Испании, тем самым подарив ей большой кусок Атлантики, который португальцы считали своим. Гегемония Португалии в Атлантическом океане была поставлена под угрозу. Но португальцы не собирались отдавать территории, стоившие им многих затрат и трудов. Жуан пригрозил Испании войной, но в конце концов стороны условились провести прямые переговоры, без участия папы.

В маленьком старинном городке Тордесильяс, на равнинах Центральной Испании, встретились испанская и португальская делегации, чтобы заключить договор о разделе мира. Земной шар был поделен ими надвое от полюса до полюса по Атлантическому океану. К востоку от демаркационной линии была португальская территория, а к западу – испанская. Жуан и его команда астрономов и математиков, обладавшие, вероятно, большим опытом и хитростью, заставили оппонентов передвинуть линию с изначальной позиции, предложенной папой, на тысячу миль к западу – так, чтобы она проходила между португальскими островами Зеленого Мыса и Карибскими островами, открытыми Колумбом, который считал, что они находятся в Азии. Впоследствии это изменение затронуло Бразилию – на тот момент еще не открытую, – помещая ее в сферу португальского влияния.

Впрочем, линия раздела продолжала оспариваться вплоть до 1777 года, поскольку стороны, в ту пору не слишком сведущие в географии Атлантики, затруднялись с определением точной долготы Тордесильяского меридиана.

Как и 1492 год в целом, Тордесильяский договор имел решающее историческое значение. И хотя впоследствии он был одобрен папской буллой, мировая папская гегемония закончилась. Два государства, находящиеся на острие географических открытий, превратили мир за пределами Европы в частное политическое пространство. Координаты новых земель рассчитывали ученые, а монархи производили их захват исходя из своих национальных интересов. «Покажите мне завещание Адама!» – восклицал в этой связи король Франции Франциск I, но прочие европейские нации еще долго не могли соперничать с иберийскими первопроходцами по части расширения своих владений, поскольку не имели необходимого опыта и мастерства в мореплавании. Португальцы оказались удачливее, чем Колумб, вместо Индии угодивший в тупик меж двух Америк. У них было преимущество: они уже более или менее представляли себе, где находится Индия, что и помогло им вскоре совершить первый кругосветный вояж.

Раздел мира: ожесточенное соперничество между Испанией и Португалией за право совершать открытия и покорять территории за пределами Атлантического океана привело к сериям длительных диспутов. Король Жуан был прав, полагая, что Колумб вторгся на португальскую территорию к югу от линии 1479 г. Папа римский принял решение в пользу Испании. В серии булл в 1493 г. он постановил, что сферы влияния должны быть разделены вертикальной линией, проходящей от одного полюса до другого в 100 лигах в западу от Азорских островов и островов Зеленого Мыса. Это давало испанцам право на открытые земли с западной стороны от линии, вплоть до Индии, однако об аналогичных правах португальцев на земли к востоку ничего сказано не было. Потенциальное перекрытие доступа к Индии для Жуана было неприемлемо. По Тордесильяскому договору линия была сдвинута на 270 миль к западу, таким образом в сферу влияния Португалии вошло тогда еще не открытое побережье Бразилии. Также Португалии вернули права на неоткрытые земли к востоку от линии. Договор вызвал дальнейшие споры, когда испанцы добрались до Молуккских островов в 1521 г., двигаясь на запад, португальцы же достигли их в 1512 г., продвигаясь на восток

Король Жуан, которого неприятно удивили успехи Колумба, все-таки вернулся к своему индийскому плану и стал готовить новую экспедицию. Но его время закончилось. После его смерти в 1495 году на трон взошел молодой дон Мануэл, герцог Бежа – тот самый,

кто присутствовал при последних наставлениях Жуана Пайве и Ковильяну. Помимо короны Мануэлу достался восьмидесятилетний опыт исследовательских экспедиций и стартовая площадка для экспедиции в Индию – имелась даже древесина для постройки кораблей. И если Жуан II вошел в историю Португалии как Совершенный принц, то Мануэлу было суждено стать Счастливым королем.

Глава 3. Васко да Гама. Октябрь 1495 – март 1498 года

Как один из королей Ависской династии молодой монарх чувствовал за собой великое предназначение. Он родился в праздник Тела и Крови Христовых, получил при крещении громкое имя Эммануэл, что означает «Господь с нами», и считал, что корона уготована ему судьбой. Когда Мануэл вззошел на трон, ему было 26 лет. У него было круглое лицо и непропорционально длинные руки, достигавшие колен, что придавало ему сходство с гориллой. Его воцарению и впрямь предшествовали исключительные обстоятельства: шестерых претендентов на престол постигла ссылка или смерть, включая принца Афонсу, который упал с лошади, и брата Мануэла Диогу, погибшего от рук самого короля Жуана. То есть Мануэл не без оснований считал себя избранником Божиим.

В преддверии 1500 года с Рождества Христова Европу охватили апокалиптические тенденции. В особенности это ощущалось на Иберийском полуострове, где испанские власти изгоняли из страны одновременно мусульман и евреев. А Мануэл тем временем все более убеждался, что судьбой ему уготованы великие свершения – например, он сможет истребить мусульман, распространяя христианство по всему миру, и воцариться в нем единолично. «Из всех европейских монархов Господь обращает взор Свой на Вас, Ваше величество», – писал мореплаватель Дуарте Пашеку Перейра. Тот факт, что маленькой Португалии суждено выполнить историческую миссию, находил подтверждение и в Библии: первые станут последними, и последние станут первыми.

Мечты заставили Мануэла возобновить его индийский план, несколько заброшенный в омраченные невзгодами последние годы правления Жуана II. Но из всех предшественников Мануэла особенно привлекал его внучатый дядя Генрих Навигатор, которому молодой король хотел подражать.

С падением Константинополя христианская Европа испытывала нарастающее исламское давление. Потеснить ислам, объединиться с пресвитером Иоанном и христианскими общинами в Индии, завладеть контролем над торговлей пряностями и разрушить богатство, питающее мамлюкских султанов в Каире, – таковы были геополитические амбиции Мануэла, начавшие формироваться уже в первые месяцы его правления. Причем он хотел перехватить торговлю не только у мамлюков, но и вытеснить с рынков роскоши венецианцев. Имперские, религиозные и экономические соображения соединились в его планах.

Прежде всего, король собрался снарядить экспедицию в Индию. Но когда в декабре 1495 года, через несколько недель после коронации, он созвал общий совет, его предложение было встречено в штыки. Аристократы, с которыми король Жуан прежде не слишком церемонился, не видели в этих экспедициях ни славы, ни выгоды, а один лишь риск. Куда проще и прибыльнее было совершать корсарские набеги на побережье Марокко. Мануэл же, склонный иногда к проявлениям податливости и нерешительности, мог быть весьма авторитарен. К тому же он обладал наследственным чувством долга и особой миссии, мечтал продолжать дело, начатое предками, и потому отверг все возражения.

Король Мануэл I в образе повелителя мира с девизом «[Мы обращаемся] к Богу на небесах, а к Вам – на земле». По бокам изображены королевский герб с его пятью орнаментальными щитами и армиллярная сфера, легендарный символ португальских первооткрывателей

Тем же, кто боялся трудностей, с которыми придется столкнуться, если Индия будет открыта, король заявил, что Господь, направляющий его в этом деле, позаботится о Королевстве Португальском. Так он решил продолжать экспедиции, и потом, будучи в Эштремоше, назначил идадьго Васко да Гаму капитан-майором (командующим) всех кораблей, которые отправятся в плавание.

Судя по всему, Васко да Гама был не первым, а вторым среди кандидатов в командующие. Сначала Мануэл хотел поставить во главе экспедиции его старшего брата Паулу, но тот отказался, сославшись на слабое здоровье, хотя и согласился командовать одним из судов.

Да Гама был «холост и достаточно молод (тридцати с лишним лет), чтобы переносить трудности дальнего путешествия». О его предыдущей карьере, опыте и причинах, побудивших короля остановить на нем свой выбор, мы можем лишь догадываться. Известно, что он родился в семье мелкопоместных дворян в портовом городе Синиш к югу от Лиссабона и, вероятно, принимал участие в Марокканских операциях. Жизнь Васко да Гамы, как и Колумба, окружена мифами. Очевидно, да Гама был вспыльчив. Ко времени его назначения за ним числилось немало скандалов, и горячность его натуры в полной мере проявится в предстоящем путешествии. О да Гаме, закаленном крестовыми походами и тяготами морских вояжей, чуждом дипломатических любезностей, говорили, что он «храбрый воин, строгий командир и в гневе страшен». Умение командовать и подчинять привлекло к нему внимание Жуана.

К началу 1490-х годов, благодаря исследованиям африканского побережья, Лиссабон превратился в деловой город, взбудораженно гудящий от ожиданий. На покатые берега Тежу

прибывали экзотические товары: пряности, рабы, попугаи, сахар – возбуждая предвкушение новых миров за волнорезом. К 1500 году около 15 процентов населения Лиссабона составляли чернокожие гвинейцы – нигде в Европе не было такого количества рабов. Экзотический, динамичный, яркий, целеустремленный, «крупнее и гораздо многочисленнее, чем Гамбург» – так отзывался о Лиссабоне немецкий врач и географ Иероним Мюнцер, посетивший город в 1494 году. Лиссабон находился на острие новых идей в области космографии, навигации, географии и картографии. Сюда стремились еврейские эмигранты из Испании – многие из которых были учены и предприимчивы. Вскоре беженцы вынуждены были покинуть и Португалию, но успели внести большой вклад в развитие знаний. Так, металлическая астролабия и астрономические таблицы для определения координат небесных тел от астронома и математика Авраама Закуто революционизировали современную морскую навигацию.

Васко да Гама

Для Мюнцера Лиссабон был городом чудес. Его поразила внушительная синагога с десятью люстрами в пятьдесят или шестьдесят свечей каждая, он видел туловище крокодила, свешивающееся в виде трофея с церковных хоров, пеликаньи клювы и зазубренное рыло меч-рыбы, гигантские стебли тростника с Канарских островов (которые привозил и Колумб – как доказательство, что на дальнем западе существует земля). Также Мюнцер рассматривал «огромную золотую карту изумительной работы, диаметром четырнадцать ладоней» – это была карта Фра Мауро, доступная для обозрения в городском замке. Он слушал захватывающие и жуткие байки моряков и говорил с немецкими оружейниками и артиллеристами, которых высоко ценил король и приглашал к себе на службу.

Портовый рынок ошеломил его своим богатством: овес, грецкие орехи, лимоны и миндаль, огромное количество сардин и тунца, выловленного в Средиземном море. Посещая конторы, которые контролировали заморский импорт, Мюнцер видел товары из Африки: крашеную ткань из Туниса, ковры, металлические ванны, медные котлы, бусы из цветного стекла, связки жгучего гвинейского перца, слоновьи бивни и черных рабов.

Но не только заморскими диковинами был примечателен Лиссабон. Там имелась развитая промышленная инфраструктура, позволявшая Португалии лидировать в области мореплавания. Мюнцер упоминает «мастерские со многими печами, где выплавляют якоря, пушки и прочее, что необходимо в море. Вокруг печей сутились черные от копоти рабочие, среди которых мы были что циклопы в пещере Вулкана. В других помещениях «мы видели огромные пушки, мортиры и ручное оружие, копья, щиты, кирасы, мушкеты, луки, пики – все превосходной работы и в изобилии... а сколько свинца, меди, селитры и серы!».

Умение производить высококачественные бронзовые пушки и эффективно пользоваться ими на море, скорее всего, появилось благодаря энергичному королю Жуану, который отличался пытливым умом и широкими интересами, включавшими практические эксперименты в морской артиллерии. Он поощрял применение крупных бомбард на каравеллах и проводил тестовые испытания, чтобы определить, как наиболее эффективно использовать их при сильной качке. Им было установлено, что выстрелы следует производить горизонтально над поверхностью воды, иначе ядра пролетают выше цели. В некоторых случаях, если пушки располагались на корме достаточно низко, ядра могли ricochetить от воды, таким образом увеличивая дальность выстрела.

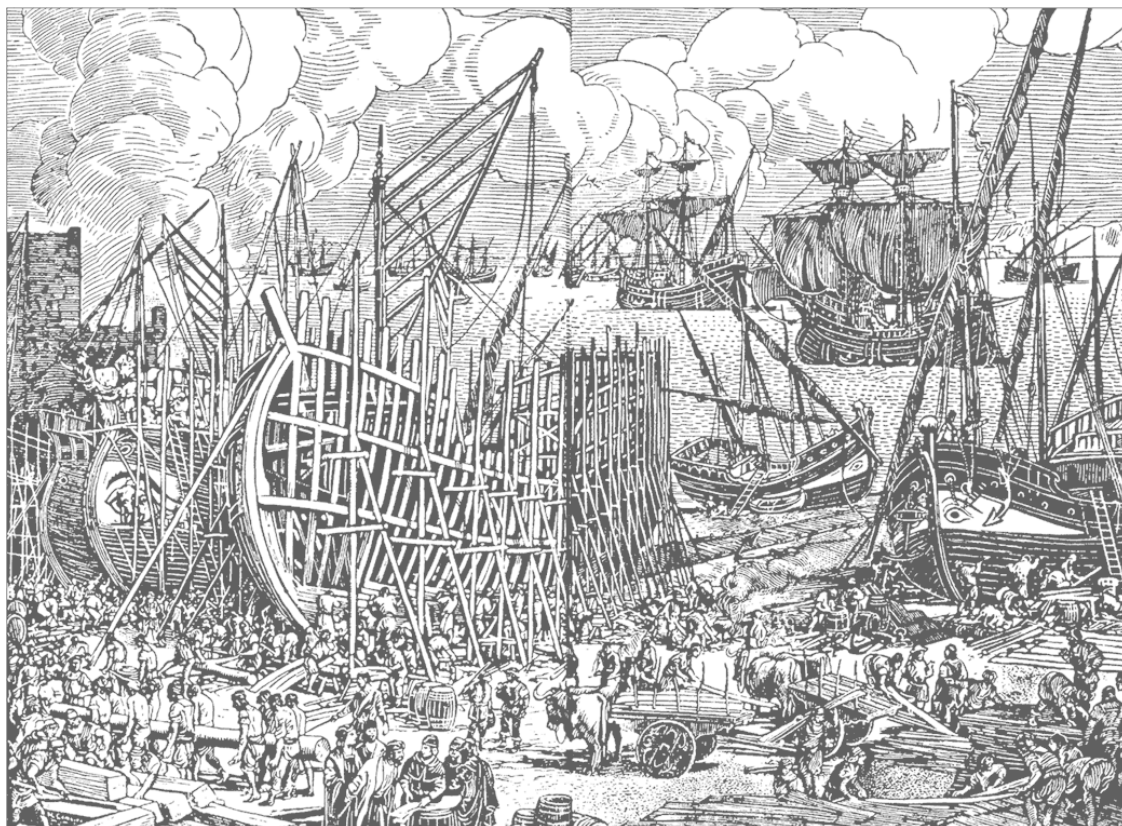
Португальцы также изобрели берко – малые бронзовые шарнирные орудия, заряжаемые с казенной части, которые можно было перевозить на шлюпках. Они превосходили стандартные пушки по скорости стрельбы и давали до двадцати выстрелов в час.

Передовая португальская артиллерия, на благо которой трудились немецкие и фламандские оружейники и ремесленники, должна была сыграть важную роль в разворачивающихся событиях.

Экспедиция не отличалась масштабом, но была тщательно подготовлена. По сути, ей предшествовали десятилетия кропотливого труда. Накопленные за многие годы мастерство и знания в кораблестроении, навигации, снаряжении морских походов ушли в постройку двух крепких кораблей. Каравеллы, что долгое время верно служили португальским мореходам, годились для исследования тропических рек и лавирования против ветра у побережья Африки, но были страшно неудобны для длительных океанских путешествий. Предел своих возможностей каравелла продемонстрировала в экспедиции Диаша: обогнув Африку, команда отказалась продолжать путь. Теперь Диаш руководил конструированием и постройкой судов для экспедиции да Гамы. Были построены два флагмана нау, более крепкие и просторные, чем каравеллы (где едва помещалась команда, не говоря уж о снаряжении), но с небольшой осадкой, что позволяло уверенно передвигаться на мелях и в прибрежной зоне. Каждый был примерно 80 футов длиной и водоизмещением от 100 до 120 тонн, имел округлый корпус, высокие борта, высокий ют и три мачты. Прямые четырехугольные паруса затрудняли маневрирование при встречном ветре, но устойчивость конструкции компенсировала этот недостаток. Был построен и грузовой корабль, который планировалось бросить у мыса Доброй Надежды.

На постройку кораблей, снаряжение, на жалованье морякам средств не жалели. «На верфи работали самые лучшие корабелы, гвозди и дерево были высший класс, – вспоминал Дуарте Пашеку Перейра, – для каждого судна готовили три набора парусов, якорей и в общем в три-четыре раза больше оснастки, чем обычно. Бочонки, трубки, бочки для вина, воды, уксуса и масла были укреплены металлическими обручами. Провизии – хлеба, воды, муки, солонины, овощей – запасли из расчета на три года, а также лекарств, оружия, амуниции.

Были призваны лучшие, самые опытные штурманы и капитаны, которым положили самое высокое жалованье во всей Европе, и это помимо прочих бенефитов. Деньги были потрачены такие, что не стану и говорить – из страха, что мне не поверят».

Постройка каррак на верфи в Лиссабоне. Справа изображена каравелла

Да Гама получил 2 тысячи золотых крузадо, равно как и его брат Паулу. Даже матросам часть жалованья выплатили заранее – для поддержки семей, – понимая, что вернутся не все.

В распоряжении экспедиции были лучшие навигационные приборы, новейшие карты и, вероятно, таблицы Авраама Закуто для определения координат по высоте солнца.

На судах разместили двадцать артиллерийских орудий, как крупных бомбард, так и малых шарнирных пушек берко, большое количество пороха в бочках, залитых смолой против морской сырости, и пушечных ядер.

Экспедицию сопровождали опытные ремесленники – плотники, конопатчики, бондари и кузнецы. Их нанимали по паре на случай смерти или увечья. Помимо опытных моряков, в плавание отправлялись также толмачи, говорящие на банту и арабском, запевалы для матросских песен, музыканты, чтобы играть на фанфарах в торжественных случаях, канониры, солдаты и подсобные рабочие – чернокожие рабы, сироты, еврейские выкrestы и заключенные. Этим поручали самую грязную и тяжелую ручную работу – крепить мачты, поднимать паруса и якоря, чистить гальюны. Для наиболее опасных поручений предполагалось использовать осужденных преступников – к примеру, для разведки на незнакомом берегу, предположительно населенном враждебными туземцами. В экспедиции были и священники, чтобы вести службы и по-христиански провожать души умерших во время плавания.

Всего в экспедиции участвовали четыре судна: две карраки (нау) «Сан-Габриэл» и «Сан-Рафаэл» – названные в честь святых, как завещал король Жуан, каравелла «Беррио» и грузовой корабль водоизмещением 200 тонн. Желая в будущем избегать разногласий, да Гама пригласил в команду своих знакомых и родственников. «Сан-Рафаэлом» командовал

его брат Паулу, среди офицеров были два его кузена. С да Гамой ехали самые опытные штурманы и мореходы того времени: Перу ди Аленкер, Николау Коэлью, обогнувшие Африку в экспедиции Диаша, брат Диаша Диогу, Перу Эшкобар – штурман в команде Диогу Кана, чье имя выбито на скалах при водопаде Йеллала. Сначала флотилию должен был сопровождать Бартоломеу Диаш, который затем оставался в Гвинее.

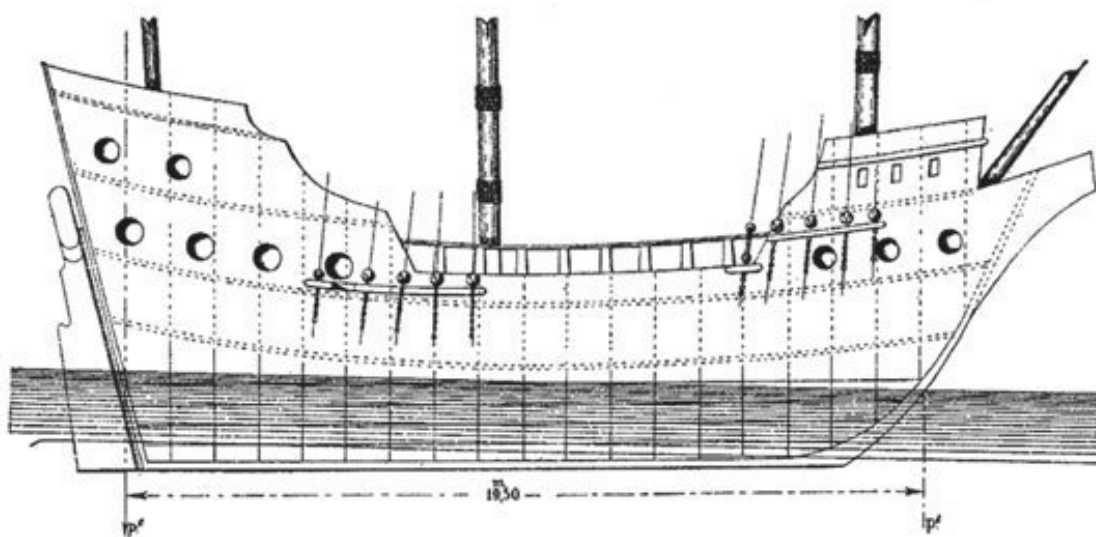
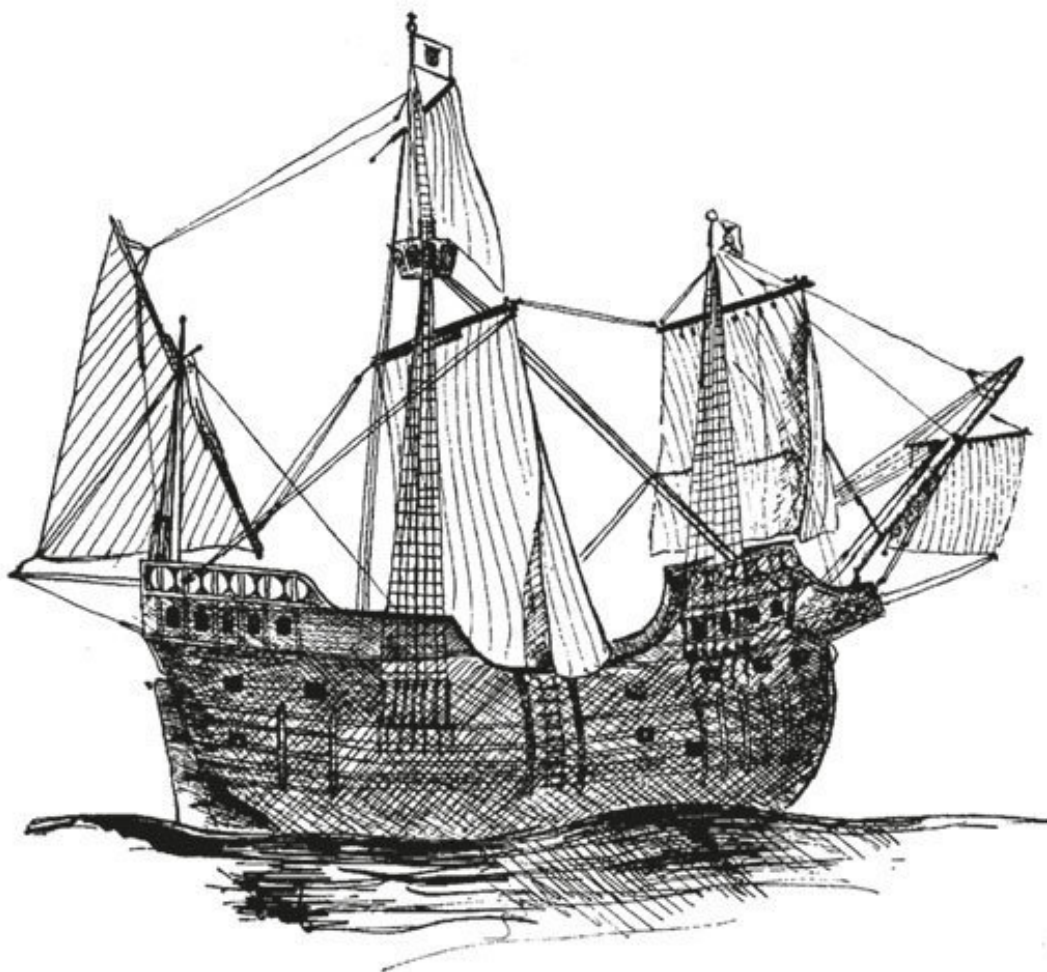
Средства на эту очередную вылазку в неизведанное – скромную по числу участников, но чрезвычайно дорогостоящую – обеспечило золото с побережья Гвинии. Помог и случай: в 1496 году все евреи, не пожелавшие принять христианство, были изгнаны из Португалии по требованию испанской принцессы Изабеллы, на которой женился Мануэл. Их имущество отошло короне и послужило неожиданным источником доходов.

В середине июля подготовка была завершена. На парусах заалели кресты ордена Христа, все бочки закатали на борт, тяжелые орудия стояли по местам, команда была в сборе. Небольшая флотилия покинула доки и отчалила из местечка Рештелу ниже по течению Тежу. Но прежде Васко да Гама с офицерами побывали в замке Монтемор-у-Нову в 60 милях от Лиссабона, куда король временно переехал из-за жары и где они получили последние директивы и ритуальное благословение. Преклонив колена, да Гама, в шелковой повязке с такими же крестами, как на его парусах, внимал королевским наставлениям. Король поручил разыскать в Индии христианских государей – в городе под названием Каликут – и передать им письма по-арабски и по-португальски, а также установить торговлю пряностями и «восточными сокровищами, которые так расхваливают античные авторы и благодаря которым Венеция, Генуя и Флоренция обрели свое могущество». Второе письмо было адресовано пресвитеру Иоанну. Миссия была равно светская и духовная, дух крестовых походов соседствовал в ней с коммерческими интересами.

Еще во времена Генриха Навигатора местечко Рештелу за городской стеной превратилось в порт, где провожали и встречали мореплавателей, «проливая слезы печали и радости». Покатый песчаный берег Тежу как нельзя лучше подходил для богослужений и прочих эмоциональных ритуалов. Вверху на холме, над широким изгибом Тежу, уходящим на запад, король Генрих (Энрике) возвел часовню Святой Девы Марии, чтобы служить молебны во здравие отбывающих путешественников. Жаркую ночь перед отъездом вся команда числом от 148 до 166 человек провела там в бдении и молитве.

Согласно придворным астрологам, канун воскресенья 8 июля, 1497 года, – праздник Пресвятой Девы Марии – благоприятствовал отплытию. Индийская кампания стартовала. Месяцем ранее Мануэл получил от папы права на земли неверных, которые обнаружат его корабли, если только прочие христианские правители уже таковыми не владеют. На берегу толпились люди, пришедшие проводить своих друзей и родственников. Процессия во главе с да Гамой медленно спустилась из церкви на берег. Моряки были в туниках и в руках держали зажженные свечи. Позади шли священники и монахи ордена Христа, читая молитвы. Люди им вторили. Когда процессия подошла к воде, все смолкли и опустились на колени, дабы помянуть погибших в прежних походах моряков, для которых король Энрике получил у папы буллу, отпускающую им грехи. «При этом все плакали», – замечает Жуан де Баррош.

Затем, под бой барабанов и хлопанье парусов, путешественники сели на лодки и отправились к своим судам. Вскоре корабли тронулись. На флагштоке да Гамы взвился королевский штандарт с изображением святого Гавриила, а моряки, вскинув кулаки в воздух, засвищели и закричали, как обычно: «Добрый путь!» Паруса надулись под ветром, и флотилия, ведомая парой каррак с фигурами архангелов Гавриила и Рафаила на носу, стала набирать ход. Провожатые бросились в воду, не сводя глаз со своих близких. «Пока позволяла видимость, они стояли – одни на борту, другие у берега, в слезах и грустных думах о предстоящей долгой разлуке». Потом корабли, спустившись по течению Тежу, миновали устье и вышли в океан.

Изображение художником «Сан-Габриэля»

Был на «Сан-Рафаэле» человек, который решил вести путевые заметки. Его дневник стал главным и едва ли не единственным источником сведений о ходе экспедиции. Начинает анонимный автор на торжественной ноте:

«Слава Богу! Аминь! В году 1497 король Дон Мануэл, первый из монархов Португалии, носящий это имя, отправил четыре судна на поиски новых земель и пряностей. Мы вышли из Рештелу в субботу 8 июля 1497 г. Дай нам Бог совершить нашу миссию во славу Его. Аминь!»

Попутные ветры за неделю донесли их до Канарских островов. На случай резкой смены погоды и потери друг друга из виду да Гама заранее отдал приказ встречаться на островах Зеленого Мыса в 1000 миль к югу. Следующей ночью опустился густой туман, и один из кораблей – «Сан-Рафаэл» – действительно отстал от товарищей. Когда утром туман рассеялся, их не было. «Рафаэл» следовал прежним курсом. Но 22 июля, когда показались рассыпанные в океане острова Зеленого Мыса, там были только два судна – теперь отстал «Габриэл». При полном штиле, они ждали его четверо суток. К всеобщему облегчению, «Габриэл» появился 26 июля: «Увидев его вечером, мы от радости стали палить из пушек и играть на трубах».

Вначале в экспедиции царило приподнятое настроение. На островах Зеленого Мыса португальцы провели неделю, пополняя запасы пресной воды, мяса и ремонтируя мачты. «3 августа мы взяли курс к востоку», – буднично сообщает анонимный автор, хотя экспедиция готовилась совершить маневр, не имевший прецедентов – по крайней мере, таких свидетельств не сохранилось. Примерно в 700 милях южнее островов Зеленого Мыса, вместо того чтобы следовать далее вдоль африканского побережья, корабли подались на юго-запад в центр Атлантики и сделали огромный крюк. Земля исчезла из вида, впереди была неизвестность.

Правда, девятью годами ранее Бартоломеу Диаш установил, что обогнуть Африку помогают западные ветры, если поймать их в нужной точке посередине океана, но маневр Васко да Гамы был куда сложнее, чем предыдущий эксперимент.

Ясно, что к концу века португальские мореходы сформировали четкое представление о режиме ветров в Южной Атлантике, но как им это удалось – особенно касательно юго-западной четверти, – остается загадкой. Имели ли место тайные миссии между экспедициями Диаша и да Гамы? Как бы там ни было, в сухом, лишенном эмоций журнале нет ни тени сомнений или страха. 22 августа они заметили больших птиц, с виду похожих на цапель, летящих на юго-юго-восток, «точно впереди лежит земля». К тому моменту экспедиция преодолела 800 лиг, или 2 тысячи миль, в открытом море, видя только воду и пустое небо. Отсчет времени вели по церковному календарю. Минуло два месяца, прежде чем хроникер отметил еще что-то, достойное внимания и убеждающее, что они не потеряны в бездне: «Пятница, 27 октября. День св. Симона и св. Иуды. Вечером мы увидели много китов».

Прежде чем штурманы собрались изменить курс и повернуть на юго-запад, корабли ощутили бешеный натиск океана. В 600 милях к югу от Сантьяго на «Габриэле» треснула нок-рея: «Двое суток мы простояли под фоком и нижним гротом», – читаем в дневнике.

Выносливость экипажей подвергалась суровой проверке: каждый матрос раз в восемь часов заступал на четырехчасовую вахту. Время отсчитывали корабельные склянки и выкрикивали юнги. Тяжелую грязную неквалифицированную работу выполняли набранные в тюрьмах преступники: чистили галюны, тянули тросы и цепи, поднимая паруса и якоря, драили палубу. Рацион моряков состоял из сухарей, солонины, масла, уксуса, бобов и солевой рыбы – а иногда, если удавалось наловить, и свежей. Со временем сухари червивели, крысы становились злее – хотя для борьбы с крысами на кораблях держали кошек. Если позволяла погода, матросам готовили горячую пищу. Гораздо хуже, чем с продуктами, дело обстояло с пресной водой, которая быстро портилась. Чтобы воду можно было пить, в нее добавляли уксус. Пустые бочки для поддержки баланса корабля заполняли морской водой.

Корабельные аристократы – капитаны и штурманы, носящие знаки отличия – свистки на золотых цепочках и плащи из черного бархата, – ели и спали в отдельных каютах, осталь-

ные распределялись в зависимости от статуса на корабле – старшие матросы на баке, солдаты под мостиком. В каютах стояло зловоние, но на палубах, где спали заключенные и прочие изгои, было еще хуже. В южных морях люди дрожали от холода под своими козлиными шкурами и штормовками, на соломенных матрасах. Одежда у всех окаменела от соли. Если случался покойник, его заворачивали в его штормовку, как в саван, и швыряли за борт. Нужду справляли в ведра или прямо в море. Никто не мылся. За звоном склянок, криками юнг, призывающих на вахту, за едой, работой по починке снастей, вечерней и ночной молитвами проходило время. В штормовую погоду матросы взбирались наверх, на стены и мачты – висели над грозно ревущей бездной, то натягивая, то отпуская ярды тяжелой парусины, под хлещущим дождем и ветром. Когда не штормило и корабли шли гладко, матросы предавались развлечениям – рыбачили, читали (те, кто был грамотен), пели и плясали под флейту и барабан или слушали священника, читающего Евангелие. Карты и прочие азартные игры были запрещены. По праздникам священники проводили на палубе крестные ходы и служили мессу, но без освящения даров – опасаясь, что чаша опрокинется от качки и дары будут осквернены. Музыкантам, помимо развлечения матросов, предписывалось оберегать их нравственность.

От качки, дурной пищи и воды, физического изнурения и недосыпа новички на корабле заболели дизентерией и лихорадкой, а потом и весь экипаж – несмотря на сухофрукты, лук и бобы в рационе (вначале съедобные) – медленно, но верно начал поддаваться болезни. Симптомы проявились на шестьдесят восьмой день, после восьмидесяти четвертого люди начали умирать, через сто одиннадцать дней цинга поразила каждого. Время у да Гамы поджимало.

Среди штормов, экваториальной жары, адского холода южных морей корабли упорно двигались своим курсом, делая примерно 45 миль в день. Где-то на 20° ю. д., почуввав перемену ветра, штурманы велели поворачивать обратно к юго-востоку – в надежде вскоре обогнуть мыс. И вот в воскресенье, 4 ноября, лаконичный хроникер снова берет перо, и вовсе не затем, чтобы описать несчастья, постигшие экипаж. Он пишет: «Под килем у нас 110 саженей. В 9 часов на горизонте показалась земля. Мы сдвинули корабли, сами приоделись и салютовали командиру из бомбард, подняв флаги и штандарты». Несложно догадаться, какой накал эмоций кроется за этим лаконичным отчетом. Они не видели землю 93 дня, проделали 4500 миль в открытом море и выжили. Это было крупнейшее достижение португальской навигации. Для сравнения: плавание Колумба на Багамы продолжалось всего 37 дней.

Правда, они немного промахнулись и высадились на берегу широкой бухты в 125 милях к северо-западу от мыса Доброй Надежды. Тут моряки наконец смогли заняться ремонтом, в котором давно нуждались их суда, уборкой, починкой парусов. Они набрали свежей воды и набили дичи. Похоже, что здесь португальцам впервые удалось воспользоваться астрольбией, бесполезной на скачущей от качки палубе, и точно определить широту своего местонахождения.

Были и стычки с туземцами. Хроникера удивил тот факт, что многочисленные собаки этих «темнокожих» людей похожи на португальских собак и даже лают, как в Португалии. Одного туземца они поймали, привели на корабль и накормили. Однако толмачи не смогли понять местное наречие. «Они говорят, будто икают», – замечает автор дневника. Это были кой-койн, пастушеские племена Юго-Западной Африки, которых впоследствии европейцы, имитируя их произношение, называли готтентоты.

Поначалу туземцы не проявляли враждебности. Хроникер даже получил от них подарок: футляр для пениса, какие носили их мужчины. Но потом произошла стычка, в которой да Гама был легко ранен копьем в ногу. «Так случилось, потому что сначала они показались нам людьми робкими, неспособными к насилию и мы не взяли оружие». Португальцы усво-

или урок и впредь при высадках проявляли осторожность, бывали хорошо вооружены и при малейшей провокации открывали огонь.

Шесть дней шторм не позволял португальцам обогнуть мыс Доброй Надежды. После нескольких попыток они вернулись в Пастушью бухту – переименованную в бухту Святого Браша (Власа), – где Диаш побывал девятью годами ранее. На этот раз они были в кирасах, с арбалетами и везли в шлюпках артиллерийские орудия – давая понять, что шутки с ними плохи. «Мы можем сильно навредить им, хотя у нас нет к тому охоты», – писал хроникер. Взаимное непонимание, отмечавшее предыдущие встречи на западном побережье Африки, впервые было преодолено. На некоторое время любопытство и желание общаться оказалось сильнее страха и культурных и языковых различий. Португальцы перевезли на берег с грузового корабля товары для обмена, а судно сожгли.

«2 декабря большая группа туземцев – примерно две сотни человек – спустилась к воде. Они привели с собой дюжину быков и коров и несколько овец. Увидав их, мы сели в шлюпки и поехали к берегу. Они заиграли на больших флейтах, производя как высокие, так и низкие звуки, складывавшиеся в довольно приятную мелодию. Удивительно, ибо от негров не ждешь музыкальности. Еще они танцевали под музыку в своем духе. Командир велел и нам играть на трубах и танцевать – что мы и сделали, и он вместе с нами».

Впрочем, единение европейцев и туземцев в ритме и музыке продолжалось недолго – взаимная подозрительность вскоре взяла верх. К вечеру португальцы, испугавшись засады, стали палить по пастухам из малых орудий и рассеяли их. Последнее, что они увидели, покидая Пастушью бухту, – это как туземцы рушат каменный столб с крестом, который только что был возведен. Свою злобу португальцы выместили на колонии тюленей и пингвинов, дав по ним залп из крупного орудия.

У мыса Доброй Надежды по-прежнему бушевала непогода. Шторм разметал маленькую флотилию, и корабли ненадолго потеряли друг друга из виду. 15 декабря, борясь против встречного течения, они миновали место, где Диаш установил свой последний столб, а к 20 декабря течением их оттащило обратно. Именно здесь и взбунтовалась команда Диаша, отказавшись продолжать путь. И если бы не случайный попутный ветер, подхвативший корабли, да Гама не смог бы выбраться из прибрежного лабиринта. «Наконец-то Господь сжалился над нами и мы двинулись вперед, – с явным облегчением пишет автор дневника, – да не оставит нас и впредь милость Его!»

Однако экипаж и корабли были измотаны длительным плаванием. На «Рафаэле» треснул топ главной мачты и утонул якорь. Запасы пресной воды подходили к концу. Матросы, получая по трети литра воды в день, страдали от хронической жажды, тем более что воду для приготовления пищи черпали за бортом. Людей косила цинга. Срочно была необходима передышка.

11 января 1498 португальцы высадились на берег у небольшой реки и сразу ощутили разницу: здесь все было по-другому. Их приветливо и без страха встретили местные жители – высокие люди, совсем не похожие на кой-коин. Это были банту, с которыми толмачам удалось завязать общение. Пополнив запасы воды, путешественники двинулись дальше, вынужденные торопиться, пока дует попутный ветер.

22 января показалось устье еще одной реки – гораздо шире предыдущей, с топкими лесистыми берегами, кишачими крокодилами и бегемотами. «Черные, хорошо сложенные люди» явились навстречу на узких лодках, желая завязать торговлю. Были среди дикарей и гордецы, «с презрением глядевшие на то, что им предлагают».

Все это время португальцев донимала цинга. Многие были в ужасном состоянии. У больных распухали руки и ноги, десны начинали гнить и кровоточить, источая зловоние, зубы шатались, так что они не могли принимать пищу. Паулу да Гама навещал больных и умирающих, раздавал лекарства из собственных запасов, стремясь облегчить их страдания.

Но совсем не лекарства и не здоровый воздух – как некоторые полагали – помогли погасить вспышку цинги, а фрукты, в изобилии растущие по берегам реки Замбези, где путешественники задержались на месяц, отдыхая, пополняя запасы воды и продуктов и производя починку судов. Перед отъездом они установили на берегу каменный столб в честь святого Рафаэла. Река Замбези получила название река Добрых предзнаменований. Потеплевший воздух и более высокая цивилизованность местных жителей внушали надежду, заставляли поверить, что после семи месяцев плавания экспедиция наконец достигла Индийского океана.

24 февраля португальцы находились в Мозамбикском проливе между побережьем Восточной Африки и островом Мадагаскар, опасном для парусных кораблей своими водоворотами и течениями. На берегу зеленели высокие деревья, ласковый прибой омывал белые песчаные пляжи. Под ослепительно-синим небом становилось жарче. Опасаясь сесть на мель, португальцы двигались только днем, а ночью стояли на якоре. Так продолжалось до 2 марта, когда в одной широкой и мелкой бухте легкая каравелла «Беррио» вследствие ошибки в измерениях глубины наткнулась на песчаную отмель и застряла. Пока штурман вытаскивал корабль, с ближайшего острова, под звуки медных труб, к ним направилась делегация местных жителей на каноэ. «Они пригласили нас следовать к берегу в порт, если мы того пожелаем. Несколько человек, которые подняли к нам на борт, мы напоили и накормили, и они отбыли восвояси довольные». Оказалось, что порт называется Мозамбик, а местное население говорит по-арабски. Это был исламский мир, где экспедицию подстерегали опасности другого рода.

Глава 4. «Черт тебя побери!». Март – май 1498 года

Большая круглая географическая карта Фра Мауро, что находилась за тысячи миль от острова Мозамбик в Лиссабоне, в королевском дворце, отбрасывала на его стены собственное отражение мира. Карта не могла похвастаться точностью. Африка на ней присутствовала весьма условно, а Индия и того менее – как рваная окраина обширной круглой Азии. Многие названия были позаимствованы у Николо де Конти, венецианского путешественника XV века. Зато был ясно обозначен Индийский океан с большим торговым портом Каликутом, откуда, согласно Ковильяну, везли пряности. Неизвестно, удалось ли Ковильяну передать в Лиссабон данные о своем путешествии – прежде чем он сгинул в эфиопских нагорьях, – насколько да Гама владел этой информацией и какие секретные послания, карты и инструкции он с собой вез. Скорее всего, автор дневника также был в неведении относительно всего этого. Да Гама снабдили письмом, адресованным «христианскому монарху Индии», которое следовало вручить в Каликуте. Поскольку письмо было написано по-арабски, можно утверждать, что португальцы знали о мусульманском доминировании в Индийском океане. Но их представления о существующих издревле торговых путях, о климате, культурных, деловых, политических отношениях между исламом и индуизмом были весьма ограничены, что порождало многочисленные ошибки и долгосрочные недоразумения.

Индийский океан, по размерам в тридцать раз превосходящий Средиземное море, имеет форму огромной буквы «М», с Индией посередине в форме V. На западе его ограничивает пустынный Арабский полуостров и вытянутое восточноафриканское побережье, населенное народами суахили, на востоке – барьерные острова Ява и Суматра, тупой конец Западной Австралии отделяет его от Тихого океана, на юге бурлят холодные воды Антарктики. Муссоны в Индийском океане подчиняли своему метроному все, что двигалось близ его поверхности, включая и парусные корабли. Эта великая метеорологическая драма планеты с ее сезонными переменами диктовала торговым путям свои законы. Муссонные ветры, точно шестеренки в часовом механизме, вращаясь из стороны в сторону, перемещали товары через половину земного шара.

В западной части Индийского океана были распространены так называемые доу – легкие суда с длинным тонким корпусом и треугольными парусами различной величины и дизайна – в зависимости от местных традиций. По назначению доу были самыми разными: рыбацьи баркасы водоизмещением в 5–15 тонн и многотонные океанские парусники, габаритами превосходящие карраки Васко да Гамы. радиционно при постройке доу обходились без гвоздей, используя для скрепления бревен кокосовые тросы.

Словом, в отличие от Колумба, бороздившего тихие воды на западе, португальцы угодили в самую гущу мировой торговли. К их появлению в Индийском океане уже тысячи лет существовала сложная система торговых, культурных, религиозных и технических взаимоотношений, посредством которой происходила перевозка товаров из Кантона в Каир, из Бирмы в Багдад. В регионе имелись крупные торговые порты: Малакка на Малайском полуострове, крупнее Венеции, куда поступали товары и пряности с отдаленных островов; Каликут – перечный порт на западном побережье Индии; Ормуз – ворота в Персидский залив и Багдад; Аден близ Красного моря, где сходились все пути в Каир, нервный центр исламского мира. Количество более мелких портов исчислялось десятками. Чего там только не было: черные рабы и мангровый лес из Африки, арабский фимиам и финики, лошади из Персии, опиум из Египта, фарфор из Китая, боевые слоны с Цейлона, рис из Бенгалии, сера из Суматры, мускатный орех с Молуккских островов, алмазы с Деканского плоскогорья, хлопок из Гуджарата. Монополии в области торговли не существовало. Континентальные азиатские силы не вмешивались, предоставив море в распоряжение купцов. Понятия о территориаль-

ных водах было развито слабо. Немногочисленные пираты не наносили ущерба торговле, во всяком случае, никто не думал заводить военный флот для защиты от их нападений. Звездные флотилии династии Мин появились и исчезли. Словом, Индийский океан представлял собой относительно мирную зону свободной торговли, где вращалась половина мирового богатства, проходя через многие руки. Господь, как говорится, создал море для всех.

Это был мир Синдбада. Из мусульман состояли ключевые группы торговцев, распределенные по побережью от восточноафриканских пальмовых пляжей до островов на востоке Индии, где производили пряности. Ислам распространялся не огнем и мечом, а скорее переходил с борта на борт при торговых сделках. Многонациональный мир, в котором торговля зиждилась на социальном и культурном взаимодействии между исламом, индуизмом, буддизмом, христианством и иудаизмом, богатый, многослойный, поначалу оказался слишком сложен для европейского понимания. Португальцы привыкли к тому, что торговля существует в рамках монопольных прав, за которые приходится бороться – как на западном побережье Африки или в Марокко. Об индуизме они не слышали, зато общение зачастую начинали с агрессии. Они брали заложников и в любой момент готовы были дать залп из пушек, держа зажженный факел у запала. Они вторглись в это море, вооруженные до зубов, попирая все существующие обычаи и почти не встречая отпора.

Город Мозамбик поражал своим богатством. Нигде в Африке португальцы такого не видели: улицы, крепкие дома, крытые соломой, минареты, деревянные мечети. Местные жители – явно мусульмане – в богатой одежде, в кафтанах, шитых шелком и золотом, – говорили по-арабски, и переводчики смогли завязать общение. Гостям оказали неожиданно дружеский прием. «Еще на борту они держались уверенно, будто давно с нами знакомы и пришли продолжить неоконченную беседу». Впервые португальцам удалось услышать нечто крайне любопытное: в порту стояли «белые мусульмане» – торговцы с Аравийского полуострова, – прибывшие на четырех кораблях «с золотом, серебром, перцем, гвоздикой, имбирем, самоцветами и рубинами. И куда бы мы ни шли, – изумленно замечает автор, – всего было в избытке... драгоценные камни, жемчуг, пряности лежали повсюду за бесценку, хоть черпай корзиной». Но более, чем несметные сокровища, португальцев воодушевило известие, что на побережье много христиан и что «пресвитер Иоанн находится недалеко. У него в подчинении много городов, чьи граждане ведут крупную торговлю и владеют большими судами». Умалчивая о точности перевода, далее хроникер пишет: «Мы заплакали от радости и просили у Господа даровать нам здоровья, чтобы достичь того, чего мы желали больше всего на свете».

Не сразу моряки догадались, что их самих принимают за мусульманских торговцев. Когда на борт к ним с визитом пожаловал султан, да Гама пытался поддержать эту иллюзию, – что было нелегко, учитывая, насколько потрепаны были суда и измотаны люди. Султан остался недоволен подарками. Покидая Лиссабон, португальцы, конечно, не знали о богатстве нового мира и взяли с собой безделушки, способные впечатлить разве что вождя дикарей: медные тазы и колокольчики, кораллы, шляпы и скромную одежду. Султан хотел мантию из алой материи. Видя, что эти странные путешественники, прибывшие издалека, не купцы и совсем даже не состоятельны, местные задались вопросом об их идентичности и намерениях. Султан решил, что они турки, и захотел увидеть их знаменитые луки и Коран. Де Гама объяснил, что они прибыли из страны по соседству с Турцией, но оставили свои священные книги дома, убоявшись в плаваньи потерять их. Зато он продемонстрировал стрельбу из арбалетов и показал султану свои удивительные артиллерийские орудия, которые потрясли мусульманина.

Зная по опыту, что бухта мелководна, и опасаясь, что какой-нибудь из кораблей, как ранее «Беррио», снова застрянет, да Гама попросил у султана дать им лоцмана. Тот дал двоих и велел заплатить золотом. Взаимное недоверие нарастало. В субботу 10 марта, когда

корабли отплыли и взяли курс к острову, находящемуся в 3 милях, чтобы тайно отслужить там мессу, один из лоцманов прыгнул за борт. Навстречу шлюпкам, которые были спущены в погоню, с острова вышли шесть вооруженных кораблей, дабы вынудить португальцев вернуться в порт. К этому времени, скорее всего, местные догадались, что они не мусульмане. Залпы из орудий обратили нападавших в бегство.

Время поджимало, надо было срочно уезжать. Однако вмешалась погода. Встречным ветром корабли отогнало обратно к острову, где они задержались на десять дней. Султан пробовал помириться, высылая переговорщиков, но португальцы не верили ему. К несчастью, на острове не было ни ручья, ни другого источника, а вода у моряков заканчивалась. В ночь 22 марта они предприняли попытку вернуться в порт Мозамбик, прихватив с собой второго лоцмана, которого все это время держали у себя. Но лоцман либо не хотел, либо не мог найти источник. Вечером следующего дня был обнаружен ручей, который охраняли двадцать человек. Артиллерийскими залпами португальцы разогнали охрану, но набрать воды не смогли. Борьба за воду продолжалась до 25 марта, пока постоянный пушечный огонь не вынудил охрану скрыться в городских стенах. Набрав воды, португальцы схватили на берегу несколько заложников – в целях более успешной навигации, дали на прощание пару залпов по городу и отбыли.

Настроение у всех было подавленное. Моряки не без оснований опасались, что так пойдет и дальше. Капитаны лютовали, срывая зло на команде. Требовалось срочно пополнить запасы провизии и найти надежный дружественный христианский порт, однако такого шанса все не выпадало. Продвижение к северу происходило с трудом. Дул встречный ветер, пленный лоцман – по оплошности либо по злому умыслу – не указал порт Килва, где, как предполагали португальцы, живет много христиан. Негодник был выпорот, а экспедиция вскоре прибыла в порт Момбаса.

«В Вербное воскресенье мы с радостью бросили якорь в Момбасе, – пишет хроникер, – ибо надеялись назавтра сойти на берег и присутствовать при мессе совместно с христианами, которые, по сообщениям, проживали в городе, в отдельном от арабов квартале». Расстаться с мечтой о христианском сообществе было нелегко.

Но высадка в Момбасе не состоялась. Вначале португальцев приветствовал султан. Двое из команды – скорее всего, заключенные – отправились на берег, где их хорошо приняли. Они встретили «христиан», «которые показали им бумагу, объект своего поклонения, с изображением Духа Святого». Таково было одно из самых глубоких, почти комических ранних заблуждений португальцев насчет индуистов, о которых они ничего не знали и долго принимали за христианскую секту с их собственными иконами. Эти люди, поклоняющиеся неизвестным европейцам антропоморфным образам, соответствовали представлению о далеких христианских общинах, бытовавшему в Европе.

Султан хотя и прислал образцы пряностей, предлагая сделку, но слухи о мозамбикском инциденте явно опередили их. Когда португальцы, поверив султану, направились в порт, дрейфующий «Габриэл» наткнулся на другое судно. Лоцманы, очевидно из страха перед наказанием, прыгнули за борт, где их подобрала местная лодка. Португальцы занервничали. Ночью они под пыткой вырвали у двоих заложников «признание», что султан велел задерживать суда в отместку за обстрел Мозамбика. На следующий день португальцы собирались продолжить, но оба заложника бросились в море – хотя руки у них были связаны, – предпочтя смерть пытке кипящим маслом.

В полночь вахтенные заметили в заливе лунном свете море нечто, поначалу принятое ими за косяк тунца. Оказалось, что это люди, которые бесшумно приближались к кораблям. Добравшись до «Беррио», они сначала попробовали перерезать якорный трос, потом полезли на ванты, но, «поняв, что их обнаружили, прыгнули в море и убрались».

Утром 13 апреля флотилия взяла курс на Малинди, в 70 милях к северу, в надежде встретить там более дружелюбный прием. Хроникер отмечает, что больные цингой начали выздоравливать, «потому что климат в этих местах уж очень хорош». Скорее всего, улучшение наступило благодаря местным апельсинам, содержащим витамин С, большой запас которых сделали португальцы.

И все-таки силы путешественников были на исходе. После очередной остановки один из якорей пришлось обрубить, потому что матросы не смогли втащить его на борт. Однажды португальцы увидели в море две лодки и бросились в погоню, ибо нуждались в лоцмане для навигации в прибрежных водах. Первый из захваченных сбежал, они поймали второго. Все семнадцать пассажиров лодки, включая старика благородной наружности и его жену, бросились за борт, чтобы не попасть в руки пиратов, однако португальцы захватили всех, а также забрали груз, бывший на лодке: золото, серебро, большое количество маиса и другой провизии. С тех пор грабить суда и брать заложников стало для них обычным делом.

К вечеру 14 апреля экспедиция достигла Малинди. Хроникер ностальгически описывает высокие беленые дома во много окон среди плодородных полей и зелени, которые, вероятно, напоминали ему родной городок на берегах Тежу. Назавтра была Пасха, но никто не объявлялся с визитом. Слухи и здесь опередили их приезд. Да Гама высадил на отмели против города старика-пленника, поручив тому посредническую миссию. Первоначальный ответ султана был по традиции благожелателен. Старик вернулся и передал, что «султан будет рад познакомиться и предоставить капитану все, что есть в его землях, а также лоцманов». Да Гама подогнал корабли ближе к берегу, но от высадки отказался, говоря, что «его господин» запретил им покидать суда. Переговоры состоялись в море на лодках и прошли довольно успешно. Султан прислал овец и пряности, попросил записать ему имя монарха и изъявил желание отправить к нему послов или письмо. Смягчившись, да Гама в знак доброй воли отпустил заложников. Так португальцы неожиданно для себя получили первый урок политической дипломатии, принятой среди народов Индийского океана. Дело в том, что султану требовались союзники для борьбы с торговыми конкурентами. Христианам еще предстояло научиться оборачивать подобные союзы себе на пользу, разжигая религиозную вражду и утрируя религиозные различия соперников. Ну а пока стороны с безопасного расстояния обменивались церемониальными любезностями. «Султан с удовольствием объехал наши корабли, а бомбарды дали залп в его честь», — пишет хроникер. Последовал обмен визитами: снова на берег выслали заключенных. Султан на бронзовом троне восседал у воды в окружении музыкантов, играющих серенады. Рядом разыгрывали представление конные всадники. Но да Гама все-таки отказался сойти на берег и посетить престарелого отца султана.

Между тем португальцы с радостью узнали о прибытии в Малинди четырех судов индийских христиан, и вскоре эти «христиане» поднялись к ним на борт. Увидев изображение распятого Христа и Богородицы, индийцы упали ниц и принялись молиться. С собой они привезли гвоздику, перец и другие ценности. На кораблях у них были пушки, порох, и ночью, под крики «Христос! Христос!» небо расцветилось красочным салютом в честь единоверцев. На ломаном арабском они просили да Гаму не сходить на берег и не доверять мусульманам. Подобных христиан португальцы видели впервые. «Эти индийцы очень смуглые, — замечает автор дневника, — одежды на них мало. Они носят длинные бороды, волосы заплетают в косы. Они сказали нам, что не едят говядины».

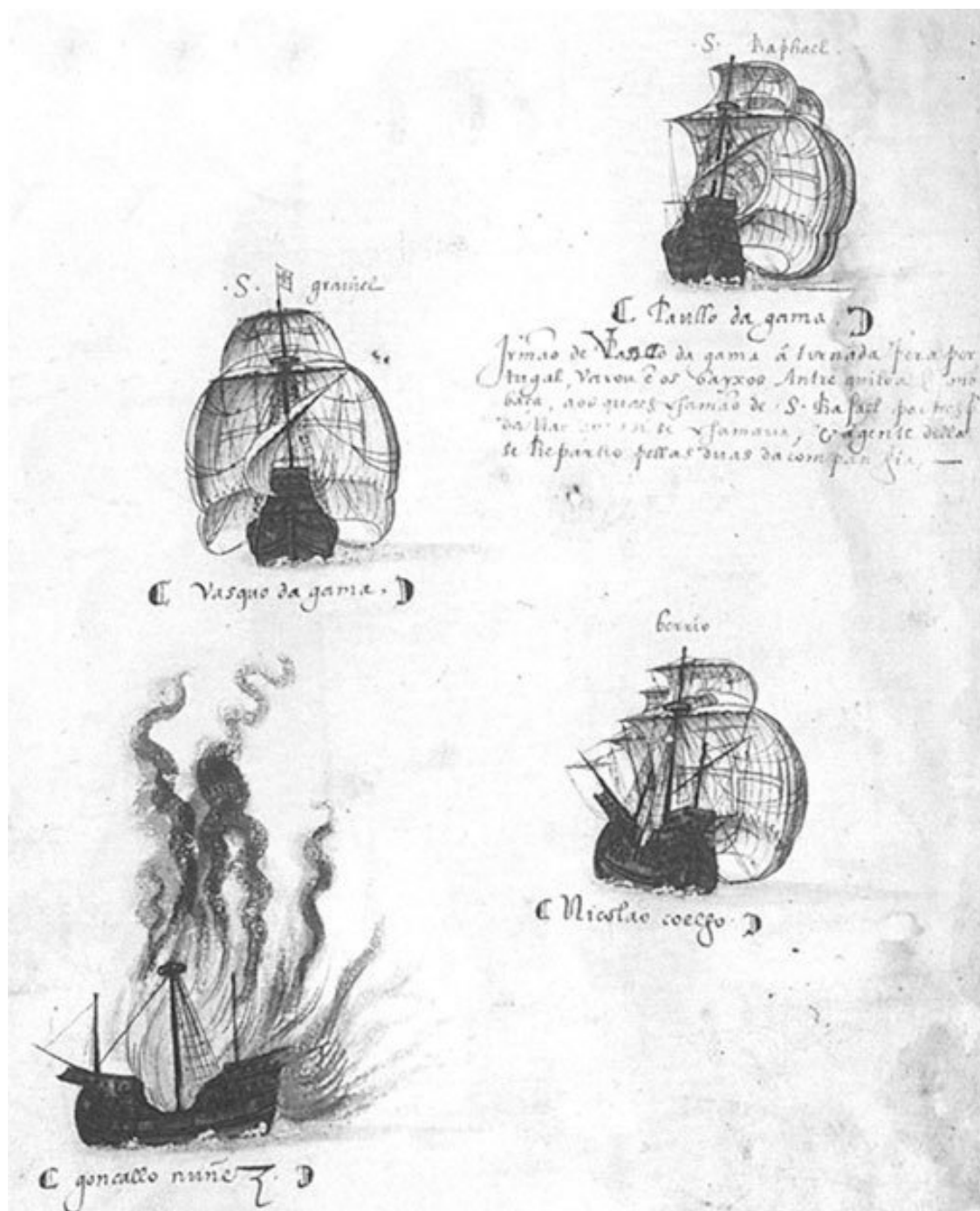
Судя по всему, эти долгожданные единоверцы кричали не «Христос, Христос», а «Кришна, Кришна».

В Малинди царил нескончаемый праздник: «Мы простояли девять дней против города, и все это время там устраивали какие-то торжества, фейерверки, музыкальные представления». Но да Гаме требовался штурман. Пришлось взять еще одного заложника, которого

обменяли на «христианина», пожелавшего провести экспедицию через океан, куда португальцы жаждали попасть. Этот человек был, скорее всего, мусульманин-гуджарати, имеющий карты побережья Западной Индии и навыки работы с квадрантами для астрономических измерений. 500 лет спустя арабские мореходы все еще будут проклинать этого мусульманина, который выдал франкам, европейцам или ференги, секреты навигации в Индийском океане.

24 апреля с попутным муссоном экспедиция вышла в море, имея целью добраться «до города под названием Каликут». Подобное строение фразы указывает на то, что автор дневника услышал это название впервые. Вряд ли кто из экипажа четко представлял себе, куда они, собственно, направляются.

Они взяли курс на северо-восток. Попутный ветер подхватил их и на удивление быстро помчал наискосок через новый океан. Ночью 29 апреля моряки с радостью отметили возвращение полярной звезды, которой не было, пока они находились в Южной Атлантике. В пятницу, 18 мая, преодолев 2600 миль в открытом море всего за 23 дня, они увидели высокие горы. На следующий день по палубам загремел ливень, стало темно, в небе затрещали молнии. Это была прелюдия к сезону муссонных дождей. Когда шторм закончился, штурман узнал местность. «Он сказал нам, что мы находимся близ Каликута, куда мы и стремились».

Маленькая флотилия да Гамы. Корабль с припасами был сожжен после того, как обогнули мыс

Индия впервые предстала им сквозь пелену дождя. Во мраке маячили горные вершины – Западные Гаты, длинная горная цепь, опоясывающая Юго-Западную Индию. Еще моряки увидели лесистые склоны, узкую долину, белый песок в полосе прибоя.

Можно предполагать, с каким чувством португальцы смотрели на берег. 309 дней назад, покинув своих близких в Рештелу, они пустились в плавание. 12 тысяч миль стоили жизни многим из них. Но путь позади, начавшийся с экспедиций принца Энрике, был куда длиннее. Нелегкий спуск вдоль африканского побережья, изучение рек, корабли и целые поколения моряков, сгинувшие вдали от родины, – вот что предшествовало этому событию. Момент, когда португальцы сквозь дождь и туман впервые разглядели Индию, был поистине

историческим. Васко да Гама покончил с изоляцией Европы, доказав, что Атлантический океан – это не преграда, а дорога, которая связывает два полушария. Однако в дневнике нет ничего, кроме сухих фактов, а документы более позднего времени лишь мельком упоминают это достижение как значительное.

Капитан щедро расплатился со штурманом, и экипаж «вознес хвалы Господу за то, что они благополучно завершили свое плавание и достигли заветной цели». Португальцы прибыли в необычное время. С началом сезона муссонов навигация прекращалась, и других кораблей у побережья не было. Их тут же заметили. Помимо времени появления, интерес вызывали их диковинные для Индийского океана суда. Местные жители, приблизившиеся на лодках, чтобы рассмотреть чужаков, указали, что Каликут находится немного в стороне. На следующий день да Гама отправил с ними на берег матроса по имени Жуан Нанеш, выкреста, которому суждено было совершить самую знаменитую высадку в португальской истории.

Толпа на берегу приняла его за мусульманина и отвела к тунисским торговцам, которые, как оказалось, знали немного по-кастильски и по-генуэзски. Встреча вызвала взаимное изумление. С Нанешем заговорили на языке его континента. «Черт тебя побери, – услышал он, – как ты сюда попал?»

Нанеш наверняка был разочарован. Наверное, мир показался ему размером с деревню. Стоило ли ехать за тридевять морей, чтобы услышать почти родной язык? Португальцы не подозревали, что арабская торговля охватывает столь огромное пространство, от Гибралтара до Китайского моря.

«Мы прибыли, – отвечал Нанеш, собравшись с мыслями, – в поисках христиан и пряностей».

Наверное, он отвечал так, как наставлял их король Мануэл. Тунисцы ему не поверили. Они не могли взять в толк, каким образом и почему именно португальцы очутились в Индии.

«Но отчего король Кастилии, король Франции или синьория Венеции не посылают сюда людей?»

Нанеш, преисполненный гордости за свою новообретенную родину, отвечал, что король Португалии этого не позволяет. Торговцы пригласили его к себе домой, вкусно накормили – пшеничным хлебом и медом – и с радостью сопроводили его на борт португальского корабля.

«Какая удача, какая удача, – закричал один из них, едва увидев нас! – Тут много рубинов, много изумрудов! Благодарите Бога, что оказались в этой земле, полной сокровищ!» Мы изумленно слушали его, не веря собственным ушам. Неужели и впрямь в этой дали нашелся человек, что изъясняется на понятном нам наречии?»

Встреча с дружественными мусульманами шокировала португальцев – не менее, чем последующие события, будто в руках у них перевернулся телескоп, в который они ранее смотрели не с того конца. Оказалось, что Европа существует в невежестве и изоляции, а не это море, куда они наконец попали. Им очень повезло: один из тунисцев, прозванный ими Монкайд, вызвался быть их проводником в этом новом мире. Он с ностальгией вспоминал португальцев и их торговые суда в Северной Африке еще во время правления Жуана II и предложил познакомить их с традициями, порядками в Каликуте, чем оказал неоценимую помощь. В городе, сказал он, есть король, или заморин – повелитель моря. Он «с готовностью примет капитана – посланника от заморского монарха, особенно если тот хочет наладить торговлю с Каликутом и если посланник имеет на борту товар – поскольку казна полнится в основном от таможи».

Несмотря на отсутствие удобной природной гавани, Каликут утвердился как главный центр торговли пряностями на малабарском побережье, потому что местные правители были мудры и справедливо относились к торговцам. «Тут не важно, откуда приплыл корабль и куда направляется, – пишет посетивший Каликут в XV веке, – отношение ко всем одинаковое,

все платят одинаковую подать». В городе существовала крупная и хорошо организованная исламская община, известная как Маппила. По происхождению члены ее были потомками моряков-мусульман и индийцев низших каст, а также приезжих торговцев с Аравийского полуострова – «купцов из Мекки», как их тут называли. Все они жили в гармонии со своими хозяевами – индийцами, относящимися к высшим кастам, к взаимной выгоде и удовольствию. В свое время еще китайцы, прибыв сюда с экспедицией, отмечали удивительную идиллию в отношениях различных религиозных групп. «Один из прежних правителей заключил договор с мусульманами, – писал хроникер Ма Хуань. – «Мы не едим говядины, вы не едите свинины, – сказал правитель, – давайте уважать обычаи друг друга». И этот договор строго блюдут по сей день». Только португальцам в будущем было суждено подорвать эти гармоничные отношения.

Заморин традиционно делил с другими высокородными индусами дворец в пригороде Каликута, а также имел резиденцию в городе, на возвышенности, откуда мог наблюдать за тем, что происходит в гавани. Все прибывающие суда должны были платить пошлину. В резиденцию, где он обычно принимал заморских купцов и посланников, были отправлены на разведку двое заключенных.

Ответ заморина был скорым и доброжелательным. Он одарил посыльных подарками и выразил готовность встретиться с капитаном. Также он предложил португальцам лоцмана, дабы тот отвел корабли в более удобную бухту неподалеку. Да Гама согласился перевести корабли, но потом, помня печальный опыт у побережья Африки, отказался заходить в бухту, которую указал лоцман. Подозрительность и ошибочное истолкование мотивов будут преследовать португальцев в этом новом мире.

А на борту тем временем разгорелся спор – офицеры обсуждали, что делать дальше. В мусульманских торговцах они подозревали худшие намерения, и большинство согласилось, что командиру слишком опасно сходить на берег. Даже если население тут в основном христианское (как они полагали), присутствие в городе враждебно настроенных иноверцев значительно повышает риск при высадке. Да Гама доказывал, что ничего другого им не остается. Он приехал в Индию как посланник короля и должен лично вести переговоры даже с риском для жизни. Он возьмет с собой охрану и быстро вернется обратно. «Я не собираюсь задерживаться на берегу, дабы не провоцировать мусульман на козни против меня. Я лишь побеседую с королем и вернусь не позднее чем через три дня». Прочие должны были оставаться на борту под командой его брата. У берега будет дежурить вооруженная шлюпка для осуществления связи. Если возникнет опасность, все должны будут уходить.

Утром в понедельник, 28 мая, да Гама, в сопровождении 13 человек, отправился на берег. Среди них были переводчики и анонимный хроникер. «Мы надели наше лучшее платье, – пишет он, – спустили бомбарды в шлюпки, взяли трубы и много флагов». Это была равно блестящая и хорошо вооруженная делегация. Наконец моряки, пошатываясь от долгой качки, вышли на берег – при полном параде и под фанфары – так, по крайней мере, впоследствии изображали эту сцену художники. Скорее всего, они многое приукрасили.

Их приветствовал городской управляющий во главе большой группы людей, вид которых не мог не вызвать настороженность. Там были бородатые длинноволосые мужчины с блестящими в мочках ушей золотыми серьгами. Иные – по пояс голые – держали в руках обнаженные мечи. Это были найяры, члены касты воинов – в детстве они приносили клятву защищать своего господина до самой смерти. Они держались почтительно, и потому португальцы, считавшие их христианами, вскоре почувствовали себя свободнее.

Да Гама ожидал паланкин под большим зонтом, в каких перемещались важные персоны. Шестеро мужчины поставили паланкин себе на плечи и пустились вперед бегом, да так быстро, что делегация едва поспевала за ними. По дороге к ним присоединилась большая толпа.

Во дворце им предложили угощение из риса, масла и великолепной отварной рыбы. Городской голова и его свита отбыли в соседний дом – так, очевидно, по кастовым законам. Да Гама от еды отказался, чувствуя слишком большое нетерпение и недоверие к индийцам.

Затем их усадили в две связанные вместе лодки и повезли по реке, а следом потянулась целая кавалькада сопровождающих. На берегах, среди пальмовых деревьев и разнообразных судов, которые вытаскивали для просушки, толпилось множество народу. «Все пришли поглазеть на нас, – пишет автор дневника. – Когда мы причалили, капитан снова сел в паланкин». По мере приближения к городу толпа вокруг сгущалась. Женщины выскакивали из домов с детьми на руках и шли за ними. В описании проскальзывает нота клаустрофобии и растерянности, будто автор испуганно вертит головой, не понимая, что тут происходит. Их окружили люди необычной внешности, какие им не встречались нигде в Африке: бритые длиннородые мужчины, женщины «низкорослые и уродливые», но с головы до пят в золотых украшениях. Даже на пальцах горели перстни с драгоценными камнями, свидетельствующие о богатстве владельцев. Но в общем люди были «доброжелательные и умеренного нрава». И своим количеством поражали больше, чем наружностью.

В городе их сначала повели в церковь – «большую, как монастырь, из тесаного камня, покрытого цветными плитками». Португальцы пока не догадывались, что это индуистский храм, а не церковь некоей христианской секты. Перед входом были два столба – вероятно, лингамы бога Шивы. Внутри они увидели святилище с бронзовой дверью, за которой был «образ, по их словам, Богородицы». Трудно сказать, что было утеряно в сложном процессе перевода, но да Гама с молитвой опустился на колени, а священники окропили его святой водой и дали им «белой глины, которую христиане в этой земле наносят себе на лица и руки». Автор отмечает изображения святых в коронах, «нарисованных в разнообразной манере, с зубами торчащими вперед и четырьмя или пятью руками».

Когда моряки вышли на улицу, пришлось бить в барабаны, дуть в трубы и волынки и палить из мушкетов, чтобы расчистить себе путь в толпе. Лишь на закате они добрались до дворца. «С трудом мы преодолели четыре двери, отбиваясь от любопытных», – пишет хроникер. Наконец они пришли в зал для аудиенций – «просторное помещение с деревянными сиденьями в несколько рядов, как в наших театрах». На полу лежал ковер из зеленого бархата, стены были обиты разноцветным шелком. Перед ними сидел человек, которого они считали христианским монархом и ради встречи с которым проделали 12 тысяч миль.

Глава 5. Заморин. Май 1498 – август 1499 года

Португальцам индийский монарх сразу показался весьма примечательным: «Король имел смуглую кожу, был крупной комплекции и довольно сильно в летах. На голове у него была шляпа или митра, украшенная драгоценными камнями и жемчугом, и в ушах блистали драгоценные камни. На нем был великолепный хлопковый камзол с пуговицами из крупного жемчуга и петлями, отделанными золотой нитью. До колен его прикрывало белое калико. Пальцы на ногах были украшены золотыми песнями с драгоценными камнями, а равно и его ноги и руки были покрыты браслетами из золота».

Заморин возлежал в позе восточной неги на зеленом атласном диване, жуя листья бетеля и сплевывая в большую золотую плевательницу. «По правую руку от монарха помещалась неохватная золотая чаша с травами. Всюду стояли серебряные кувшины. Над диваном был позолоченный навес».

Проводник заранее объяснил да Гама, как вести себя в присутствии важной персоны: не подходить слишком близко и говорить держа руки против рта. Гостям предложили фрукты и воду в серебряных кувшинах, пить из которых следовало не касаясь их губами. Португальцы стали лить воду себе в горло, захлебываясь и намочили лица и одежду, чем немало позабавили заморина.

В зале, как и повсюду, было многолюдно. Гостям это не понравилось. Когда да Гама попросили произнести речь, он гордо отказался и потребовал личной беседы с монархом. Его провели во внутренние покои, и там он через переводчиков объяснил цель своего визита в землю Индии, «которую они ищут уже шесть десятков лет». Их король, «самый могущественный и богатый человек на свете», послал их отыскать здесь христианских правителей. Письма Мануэла он обещал доставить на следующий день, полагая, что заморин и есть тот самый христианский правитель.

Время было уже позднее. По заведенному обычаю заморин спросил, где гости хотят остановиться на ночь – в доме христиан (то есть индуистов) или у мусульман. Да Гама попросил отвести им отдельный дом. В десять часов они вышли на улицу, по-прежнему запруженную народом. Начался ливень. Под ногами чавкала жирная тропическая грязь. Да Гама несли на палантине, закрывая от дождя зонтом. Носильщики двигались так медленно, что он наконец потерял терпение и стал жаловаться. Ему предложили лошадь без седла, но он отказался. Так продолжалось, пока они не пришли в отведенный им дом, куда матросы уже доставили кровать капитана, бывшую на шлюпке, а также дары для заморина. Проведя долгий, напряженный день, полный впечатлений, в толпе и скученности, протацившись несколько миль под душным ливнем и, вероятно, еще не вполне отойдя от морской качки, португальцы в изнеможении свалились и уснули.

Доверие к ним заморина – когда бы таковое вообще имело место – быстро испарилось. Если их дары вызвали усмешку в Мозамбике и Малинди, то здесь дело обстояло еще хуже. На следующее утро да Гама собрал посылку во дворец: двенадцать штук полосатой ткани, четыре красных плаща, шесть шляп, четыре нитки коралловых бус, шесть медных тазов, головку сахара, по бочонку меда и масла. Все это могло впечатлить вождя африканских дикарей, но не правителя богатейшей торговой области в Индийском океане. Увидев эти «дары», городской голова только рассмеялся. «Самые бедные купцы из Мекки или других земель дарят нам больше... Если он хочет сделать подарок, то это должно быть золото», – заявил он и наотрез отказался передавать посылку заморину. Присутствующие там торговцы-мусульмане также уничижительно отозвались о португальских подарках.

Требовалась срочная и жесткая реакция. Да Гама в ярости отвечал, что он не купец, а посланник, и если королю Португалии будет угодно, то в следующий раз он пришлет более

щедрые дары. И потребовал встречи с заморином, дабы лично объяснить ситуацию. Его попросили немного подождать – за ним, мол, придут.

Он ждал, теряя терпение. Вестей из дворца не было. Вероятно, мусульманские купцы что-то пронюхали о случившемся ранее на побережье Суахили, об обстрелах и стычках португальцев с местными жителями. Ибо при всей свободе торговли в Каликуте каждый из участников заботился о своих интересах. К примеру, по некоторым сведениям, в свое время мусульман использовали, чтобы не допустить в город китайских торговцев. Наверное, мусульмане нашептали местному правителю, что да Гама авантюрист или, хуже того, пират. И может быть, даже предложили его убить.

Проведя целый день в напрасных ожиданиях, да Гама был зол как черт. Его товарищи, напротив, прекрасно себя чувствовали на берегу. «Мы пели, танцевали под звуки труб и веселились», – пишет хроникер.

Утром их все-таки проводили во дворец, заставив ждать еще четыре часа. Да Гама воспринял это как намеренное оскорбление. Наконец им сообщили, что заморин согласен принять только капитана и еще двоих, а прочие пусть остаются в приемной. Все решили, что это не к добру, но делать было нечего.

Да Гама сопровождали секретарь и переводчик. В дверях на этот раз топтались вооруженные до зубов стражники.

Вторая встреча прошла холодно и сумбурно. Заморин спросил, почему их не было вчера. Он не мог взять в толк, какие у них могут быть мотивы помимо торговли и почему если они прибыли из богатой страны, то не привезли подарки. Зачем они приехали? Что их интересует? Драгоценные камни или люди? Если люди, то почему они приехали с пустыми руками? Ему, очевидно, донесли, что на одном из кораблей есть золотая статуя. Это был образ святой Девы Марии. Да Гама сказал, что статуя не золотая, а деревянная и позолоченная. А будь она из золота, он бы все равно с ней не расстался, ибо она хранила их во время долгого плавания и будет хранить на обратном пути. Когда дело дошло до чтения арабской копии письма, да Гама, не доверяя мусульманам, отдал копию своему «христианскому» переводчику, но оказалось, что тот не умеет читать, хоть и говорит по-арабски и на языке малайялам. После того как письмо все-таки перевели, заморин немного смягчился – видимо, поверил, что да Гама не пират. И разрешил продать товары, имеющиеся у них на судах, по наилучшей цене. Португальцы больше никогда не встречали заморина.

Да Гама, взвинченный, полный неуверенности и подозрений, покинул дворец. На обратном пути он снова отказался от лошади и потребовал паланкин. Из дневника мы узнаем, что товарищи да Гама, шедшие позади, отстали и потеряли его из виду за стеной тропического ливня. Придя в селение Пандарани, где стояли корабли, они нашли своего капитана в гостевом доме. Да Гама, злой как черт, требовал у градоначальника лодку, желая вернуться на корабль, на что тот резонно отвечал, что ночью кораблей, стоящих в море, все равно не найдешь и надо подождать до утра. Наутро да Гама повторил свою просьбу, но градоначальник, ввиду непогоды, велел сначала подогнать корабли ближе к берегу, дабы переход прошел гладко. Португальцы опасались ловушки, подстроенной местным мусульманским лобби, а градоначальник боялся, что гости улизнут, не заплатив таможенной пошлины. Да Гама сказал, что у них с братом уговор: в случае опасности тот поднимает паруса и возвращается в Португалию. Получив приказ причалить, брат, конечно, почувствует подвох, снимется и уйдет. И пригрозил пожаловаться заморину, своему «единоверцу». В ответ градоначальник поставил в дверях стражников, велел им не спускать с гостей глаз, и потребовал отправить на берег паруса и штурвалы, если уж сами корабли остаются в море. Да Гама отказался. Тогда мусульманин заявил, что уморит моряков голодом. «Это нас не страшит», – отвечал да Гама. Противостояние нарастало.

Да Гама все-таки удалось тайком отправить гонца на берег, где дежурила шлюпка, с приказом вернуться к судам и укрыть их в надежном месте. Да Гама опасался, что иначе суда захватят и всех его товарищей убьют, не говоря уж об их делегации, которая и так находилась в руках неприятеля.

На следующий день пленники испытали настоящий страх. «Весь день прошел в волнении, – пишет хроникер. – Число наших стражей увеличилось в несколько раз. Нас уже не выпускали на улицу, мы могли передвигаться лишь в маленьком дворике у дома. Мы ждали, что нас разлучат или того хуже. Нас сторожили сотни людей с мечами, топорами, секирами, луками и стрелами. После доброго ужина, приготовленного из деревенской провизии (в этом мы все-таки не могли себе отказать), иные из нас заснули, а другие несли караул, а после менялись. Так прошла ночь». Вероятно, моряки думали, что это их последняя ночь.

Но утром проблема неожиданно разрешилась. Тюремщики явились к ним «с добрыми лицами» и заявили, что они свободны – пусть только перенесут на берег привезенные товары. Дескать, капитан неверно истолковал слова заморина. У них положено, чтобы заморские купцы сразу по прибытии производили разгрузку и продавали свой товар и чтобы команда оставалась на берегу, пока все не будет продано. Да Гама тут же отправил записку брату с просьбой прислать «кое-что», но не все. Это было исполнено. Два матроса остались для торговли, а пленники отбыли восвояси. «Мы возрадовались и вознесли хвалу Господу за наше избавление от рук людей, имеющих не более здравого смысла, чем дикие звери».

Заморин, вероятно, не знал, как обращаться с этими чужестранцами, которых нельзя отнести ни к одной категории торговцев, но которые явно прибыли от имени великого и богатого монарха – судя по их мощным быстроходным кораблям. Ему не хотелось упускать потенциальные возможности.

Однако торговцы-мусульмане неодобрительно отнеслись к вторжению этих неверных. Неизвестно, замыслили ли они убийство, но враждебность их явно была причинами как коммерческого, так и религиозного характера, равно как и в Северной Африке, где португальцы много десятилетий вели против мусульман священную войну и где подозрительность, агрессия, захват пленных были для обеих сторон в порядке вещей.

Наконец небольшая товарная партия прибыла на берег и была представлена в одном из домов морского порта Пандарани. Торговцы, пришедшие осмотреть товары, презрительно зафыркали, видя, насколько они жалки. «Они плевались и повторяли: Португалия, Португалия!» Да Гама отправил заморину жалобу и попросил переместить товары в Каликут, и тот, в виде жеста доброй воли, велел градоначальнику сделать это за казенный счет, что и было исполнено. Португальцы тут же прониклись подозрениями, поскольку не ожидали такой благосклонности, и истолковали ее неверно. «Это не к добру, ибо его убедили, что мы воры и приехали грабить».

Так или иначе, им представился шанс принять участие, пусть пока скромное, в коммерческой жизни города. Моряков выпускали в город по трое, и они, сменяя друг друга, пытались продать свой товар: браслеты, одежду, сорочки и другие вещи. Результаты их разочаровали. Например, сорочки тонкого шитья ценились тут в десять раз дешевле, чем дома. Но зато на выручку они купили немного пряностей и драгоценных камней.

В последующие недели португальцы начали узнавать другие слои местного общества. Вдоль дороги в Каликут жили семьи рыбаков – людей низшей касты, среди которых они встретили теплый прием. Их приглашали «оставаться, есть и спать», что, вероятно, также включало сексуальные услуги от легкодоступных малабарских женщин. Потом эти бедняки вместе с детьми являлись на борт, чтобы обменять рыбу на хлеб, и были столь многочисленны, что порой до самой темноты не удавалось от них избавиться. Они буквально вырывали галеты из рук у матросов, хотя те и сами жили впроголодь, но да Гама велел относиться к ним по-доброму, чтобы они хорошо отзывались о гостях.

Сметливые и любознательные португальцы с интересом наблюдали существовавшее в местном обществе разделение, как и вообще все местные особенности. Информация о механизмах и ритмах торговли, о товарных сетях, покрывающих Индийский океан, которую они почерпнули за несколько недель неформального общения, окажется незаменимой для последующих экспедиций.

Княжество Каликут являлось крупным производителем имбиря, перца и корицы, но «корицу лучшего качества производили на острове под названием Цейлон, в восьми днях пути к югу». Гвоздику везли с острова Малакка. Малаккские суда (прибывавшие с Аравийского полуострова за пятьдесят дней пути) добирались с грузом до Красного моря, затем товар после серии пересадок попадал в Каир и отправлялся вверх по Нилу в Александрию, где его ждали венецианские и генуэзские галеры. Это было очень неудобно и неэффективно хотя бы с точки зрения грабежей и поборов, с которыми купцы неизбежно сталкивались по дороге. Португальцы хотели вмешаться и предложить собственный путь.

В Каликуте июль и август считались мертвым для торговли сезоном. Индийцы ждали, пока попутные муссоны принесут к ним купцов из Аравии и Персидского залива. В порту шли приготовления. Влажный воздух был напитан ароматами пряностей. Высились ящики с китайским фарфором и глазурью; медная руда, обработанные металлы, драгоценные камни ждали покупателей. Неудивительно, что португальцы так мало выручили за свой товар.

В Каликуте они прослышали о загадочных гостях, которые являлись сюда много лет назад – «длинноволосые, как немцы, и безбородые» – и явно издалека, что предполагало хорошую техническую оснащенность их судов. «Они имели кирасы, шлемы с забралом и оружие на длинных древках, как копья. На судах у них были бомбарды – короче наших, и по четыре мачты, как у испанцев. Их корабли числом двадцать – двадцать пять являлись сюда раз в два года. Неизвестно, что это были за люди и какие товары привозили – кроме тонкого льняного белья и изделий из латуни. Покупали они пряности».

В таком виде дошли до португальцев слухи о великих китайских экспедициях династии Мин, оставивших после себя в Индийском океане властный вакуум, ждущий заполнения. А также, подобно всем морским бродягам, генетический след. Население на Малабарском побережье имело отдаленное внешнее сходство с азиатами.

В конце июля да Гама засобиравшись в обратный путь. Они продали все, что смогли, и надо было торопиться, пока в порт не нагрянули арабские корабли и ветер не переменился на встречный.

Воодушевленный первыми сделками, да Гама захотел оставить в городе торговое представительство. Об этом он уведомил заморина, отправив ему подарки, и попросил у него посланников (заложников), которые должны были ехать с ним в Португалию, и несколько мешков пряностей. За пряности он обещал, если потребуется, заплатить.

Заморин отнесся к его предложению холодно. Гонец да Гамы, Диогу Диаш, ждал четыре дня, пока его примут. Даже не взглянув на дары, заморин снова потребовал уплатить торговую пошлину, как было заведено в его пределах, и уезжать. Однако гонцу не позволили вернуться на корабль, чтобы сообщить эти требования, – его и еще нескольких сопровождавших его моряков задержали вооруженные стражники. Также было велено не подпускать лодки к кораблям португальцев. Заморин по-прежнему опасался, как бы гости не скрылись, не уплатив пошлины.

Недоразумения продолжались. Да Гама, кажется, не понимал, чего от него хотят. Он полагал, что жалкие товары, оставленные им на берегу, являются залогом его порядочности. По его мнению, во всем были виноваты торговцы – мусульмане, из соображений коммерческой конкуренции убедившие «христианского короля» в том, что «они воры и, раз они явились в Каликут, никто больше не приедет из Мекки. Они ничего не дают, только забирают. Их надо убить. Торговля с португальцами не принесет ему прибыли, и его государство ожи-

дает крах». Если по сути его предположения были верны, то насчет подкупа короля с целью получить добро на устранение конкурентов он, похоже, ошибался. Все это время он продолжал пользоваться советами двоих тунисцев, которых встретил после высадки и которые учили его ориентироваться в этом сложном чужом мире.

Тем временем заложникам удалось тайком передать да Гама записку, и он разработал план по их освобождению. 15 августа на лодке пожаловали местные купцы, предлагая купить драгоценные камни, но на самом деле – разведать настроение португальцев. Капитан принял их как ни в чем не бывало, будто не знает о заложниках. Видя, что опасности нет, и другие индийцы начали посещать корабли. Всех принимали и кормили. 19 августа прибыли 25 человек, шесть из которых были высокородные горожане. Да Гама, воспользовавшись шансом, захватил 18 человек и потребовал обмена на своих моряков. 23 августа, дабы испугнуть индийцев, он сделал вид, что уходит в Португалию, отошел от берега на 12 миль, но на следующий день вернулся и бросил якорь в виду города.

Начались переговоры. Когда явилась лодка с предложением обменять одного Диаша, да Гама решил, что индийцы тянут время, дожидаясь, когда на помощь придут арабские корабли из Мекки. Он пригрозил обстрелом, если ему не вернут всех его людей.

Его угрозы возымели действие. Испуганный заморин спешно вызвал Диаша, чтобы отправить его восвояси, но сначала продиктовал письмо для короля Мануэла, которое переводили с малаями на арабский, а затем на португальский. По индийскому обычаю Диаш записывал текст железным пером на пальмовом листе: «Дворянин Васко да Гама, подданный Вашего Величества, прибыл в мою страну, к моему удовольствию. Моя страна богата корицей, гвоздикой, имбирем, перцем и драгоценными камнями. В обмен я прошу золото, серебро, кораллы и материю пурпурного цвета». Наверное, заморин прощупывал возможности торговли на будущее. Также он позволил возвести на берегу каменный столб с крестом – символ истинных намерений португальцев.

А на море торг продолжился. Обмен пленниками произошел в лодках, ибо никто из индийцев не осмелился подняться на борт «Рафаэла». Однако да Гама передал только шестерых из двенадцати пленников, обещав отпустить прочих назавтра, когда ему вернут товары, оставшиеся на берегу. Утром его ожидал сюрприз в виде тунисца Монкайда, умолявшего забрать его с собой, ибо соседи угрожали ему расправой, как пособнику португальцев. Позже прибыли лодки с товаром, который по уговору следовало обменять на заложников, но да Гама внезапно передумал и решил оставить товар индийцам, а заложников забрать в Португалию. Дав предупредительный залп по городу – дескать, мы скоро вернемся и покажем, кто тут вор, – португальцы уплыли прочь. Да Гама был не их тех, кто умеет забывать и прощать. «И мы подняли паруса и помчались, – сообщает довольный хроникер, – вне себя от радости, ибо совершили великое открытие».

Но память о себе португальцы оставили недобрую. Заморин был взбешен и велел отправить в погоню семьдесят кораблей, которые нагнали беглецов 30 августа: «С утра мы увидели множество судов. На палубах было полно людей в кирасах». Когда те подошли на расстояние пушечного выстрела, португальцы открыли огонь. Бой продолжался около полутора часов, пока разразившийся шторм не отнес корабли да Гамы в открытое море. «Видя, что они более не могут навредить нам, – продолжает хроникер, – они отстали, а мы продолжали своим курсом». Таково было первое из боевых сражений португальцев в Индийском океане.

Несколько других обстоятельств задерживали продвижение флотилии: суда требовали ремонта, на борту заканчивалась пресная вода. Они медленно тащились вдоль берега, высматривая ручьи и речки и собирая дикую корицу. Местные рыбаки охотно давали им рыбу в обмен на другую провизию. 15 сентября португальцы возвели третий столб на безы-

мянном острове, а через несколько дней бросили якорь у небольшой группы островов, богатых пресной водой, название которых на местном наречии звучало как Анджедива.

Все это время за ними следили. 22 сентября флот из Каликута предпринял еще одну попытку атаковать, но был рассеян артиллерийским огнем. Поскольку заморские корабли вызывали повсюду подозрения и любопытство, да Гама не хотел задерживаться. Всех, кто приближался, отгоняли выстрелами, опасаясь, что за любопытством скрываются дурные намерения. Рыбаки предупредили, что среди несостоявшихся визитеров был известный пират по имени Тимоджи – человек, который сыграет заметную роль в последующих событиях.

В один из дней, когда моряки на берегу были заняты ремонтом «Беррио», к ним подошел хорошо одетый незнакомец, говоривший на венецианском наречии. Он обратился к да Гама, как к другу. По его словам, он был христианин, которого пленили и силой заставили принять ислам, но в душе не изменивший своей вере. Его хозяин, один из местных правителей, велел передать, что все, что есть в его земле, – включая корабли и провизию, – к их услугам. Если они пожелают, могут оставаться навсегда. Говорил он складно, но был столь многословен, что порой начинал противоречить сам себе.

Тем временем Паулу да Гама справился у индийцев-заложников насчет личности этого человека. Они сказали, что это пират, пришедший, чтобы напасть на них. Загадочного венецианца схватили и выпороли. После трех или четырех допросов он признался в обмане и сказал, что неподалеку собирается флотилия для очередной атаки, но ничего более выпытать у него не удалось.

На побережье начинало припекать. Да Гама понимал, что вскоре в Каликут потянутся торговые суда с Аравийского полуострова, которые всегда останавливались на Анджедиве набрать воды. Время поджимало. Корабли, кроме «Рафаэла», были отремонтированы, запас воды пополнен, с помощью местных рыбаков собрано достаточно корицы. Под конец да Гама с презрением отказался возвращать рыболовное судно, которым они пользовались, хотя капитан предлагал ему деньги. Он заявил, что не собирается продавать его, но сожжет, как принадлежащее врагу. Подобная жесткость и впредь будет характеризовать все действия португальцев.

5 октября корабли вышли в море. Загадочного венецианского шпиона да Гама прихватил с собой – на всякий случай. А штурмана достать не удалось. Никто из знакомых с муссонами не решился бы плыть в это время на запад. Неизвестно, осознавал ли да Гама, что это ужасная ошибка, но, так или иначе, выбора у него не было. Через 600 миль «венецианец» сделал еще одно признание: богатый господин, на службе которого он состоит, – это султан Гоа. Его послали, чтобы он оценил возможность захвата кораблей и экипажа, ибо султан хотел использовать португальцев в вой нах против соседних правителей. Это открывало новый для да Гамы, интересный аспект в политике Западной Индии, которым впоследствии воспользуются европейцы, а также обозначало региональную важность Гоа. «Венецианец» между тем продолжал поражать откровениями. Оказывается, он был польский еврей, жертва погромов в Центральной Европе, сменивший за время своих странствий немало имен. И к моменту прибытия в Португалию он обрел еще одно: его крестили и назвали Гаспар да Гама.

Обратный путь через Индийский океан напоминал ночной кошмар. Автор дневника лишь скупо сообщает о выпавших португальцам испытаниях – в основном им досаждал штиль, сменяющийся штормовым ветром. Но реальность трехмесячного заключения в открытом море сквозит между строк. Встречные и переменные бризы гнали их обратно, в штиль корабли по многу суток стояли без движения под раскаленным небом. Люди дрались за каждый клочок тени под вялыми парусами. Дерево необходимо было все время поливать, храня от пересыхания, дабы корабли не пришли в негодность. Жажда и голод терзали команду. Вернулась цинга. «У наших людей снова распухли десны, и они не могут

есть, – пишет хроникер. – Ноги тоже распухли, как и прочие части тела. Несколько человек уже умерли». Такая же судьба постигла высокородных заложников, поскольку законы касты запрещали им принимать пищу, пить и спать, находясь в океане. Мертвецы с тихим всплеском, под бормотание священника, отправлялись на дно морское, а живым оставалось лишь ждать своей очереди. «Тридцать человек унесла цинга, как и ранее, и в каждом экипаже осталось только по семь-восемь членов, способных направлять корабль. Люди совсем распустились, от дисциплины не осталось и следа», – сдержанно резюмирует хроникер, хотя положение отдает бунтом. Наверное, раздавались призывы вернуться в Индию. Может быть, назревал заговор. Было решено поворачивать, если ветер не изменится, ибо все понимали: еще две недели – и решение принять будет некому.

И вот, когда отчаяние достигло высшей точки, поднялся попутный ветер, не утихавший шесть дней. 2 января вахтенные увидели на горизонте землю – это была Африка. 23 дня потребовалось экспедиции, чтобы добраться отсюда до Индии, и 93 – чтобы вернуться обратно.

Двигаясь вдоль африканского побережья, они миновали порт Могадिशу. По приказу капитана город был обстрелян, ибо после Каликута тому требовалось выместить зло – пусть и на других мусульманах. 7 января потрепанные португальские корабли прибыли в Малинди, где встретили теплый прием. На борт доставили дары от султана Малинди, в том числе слоновый бивень для короля Мануэла, а также апельсины – многим уже бесполезные. На берегу установили очередной каменный столб, а один молодой мусульманин изъявил желание следовать с экспедицией в Португалию.

Моряки продолжали путь. К середине января, при острой нехватке людей на кораблях, было решено избавиться от «Рафаэла», дряхлого и источенного червем, который не смогли отремонтировать в Индии. Забрав все ценное, португальцы вытащили его на берег и сожгли. Далее были остановки на Занзибаре и на острове Святого Георгия близ Мозамбика. Там была отслужена месса и возведен последний столб, хотя и без креста, потому что начался ливень, помешавший развести огонь и расплавить свинец для его укрепления.

Начинало холодать. С попутным ветром португальцы быстро проскочили залив Святого Браша и 20 марта обогнули мыс Доброй Надежды, «чуть живые от холода, но страстно желающие скорее добраться домой». 25 апреля, на мелях близ устья реки Гамбия, дневниковые записи по неизвестной причине обрываются. О завершении плавания мы узнаем из других источников. «Беррио» и «Габриэл» расстались во время шторма, но у капитана были более серьезные причины для беспокойства. Его брат Паулу лежал при смерти. Близ острова Сантьяго да Гама передал «Габриэл» штурману, а сам на подвернувшейся каравелле поспешил вместе с Паулу на остров Терсейра, в известный монастырь. «Беррио», а следом и «Габриэл» прошли устье Тежу и причалили в Кайкаше под Лиссабоном 10 июля 1499 года. Паулу да Гама, спутник и соратник своего легендарного брата, скончался вскоре по прибытии на Терсейру, где и был похоронен. Из-за траура Васко пришлось отложить отъезд в Лиссабон. 9 дней он провел в молитвах с монахами в церкви Санта-Мария-де-Белем, оплакивая смерть Паулу, а в начале сентября произошло его триумфальное возвращение в столицу.

Морская эпопея длительностью в год или 24 тысячи миль завершилась. Она потребовала огромной выносливости, мужества, удачи и стоила больших жертв: две трети команды не вернулись домой. Остальные выжили чудом, несмотря на отсутствие знаний о муссонах, на цингу, жару и холод. Они вернулись, хотя могли бы тоже умереть, оставив в океане пустые корабли-призраки.

Да Гама встретили с большими почестями. Король даровал ему землю, деньги, высокий дворянский титул и даже звание адмирала Индии. Мануэл приказал проводить повсюду шествия и служить мессы и позаботился о том, чтобы достижения португальцев получили самую широкую огласку. Прежде всего он составил послания в адрес папы и европейских

монархов. С изрядной долей злорадства сообщал он Фердинанду и Изабелле Испанским, что его корабли «достигли Индии и привезли корицу, гвоздику, имбирь, перец, мускатный орех... а также множество разнообразных камней, таких как рубины и прочие». «Мы не сомневаемся, что, получив сие известие, Ваши Величества ощутят большую радость и удовлетворение», – лицемерно замечал Мануэл, уверенный, что эффект будет обратным. Папу Александра Борджиа и его кардиналов король в торжествующих тонах уведомлял об открытии христианской Индии: «Его Святейшество и Ваши Высокопреосвященства могут возрадоваться и публично вознести благодарение Господу». Тот факт, что большая часть сведений о новом мире поступила от Гаспара да Гамы, крещеного еврея, воспринимался как знак свыше: «Волею Божией, королевство Португалия предназначена для великой тайны служения Господу и прославления веры святой».

Успех экспедиции да Гамы предвещал скорые экономические изменения на европейской сцене. Корабли еще не успели причалить под Лиссабоном, а слухи о них уже достигли Венеции. 8 августа венецианский хроникер Джироламо Приули записал в своем дневнике: «Из Каира сообщают, что три каравеллы короля Португалии побывали в Адене и Каликуте. Их посылали на поиски пряничных островов, и командует ими Колумб. Какое волнительное известие! Впрочем, вряд ли это правда». Но итальянские купцы, бывавшие в Лиссабоне, вскоре подтвердили эту весть, уточнив, что командовал флотилией совсем не Колумб, а Васко да Гама.

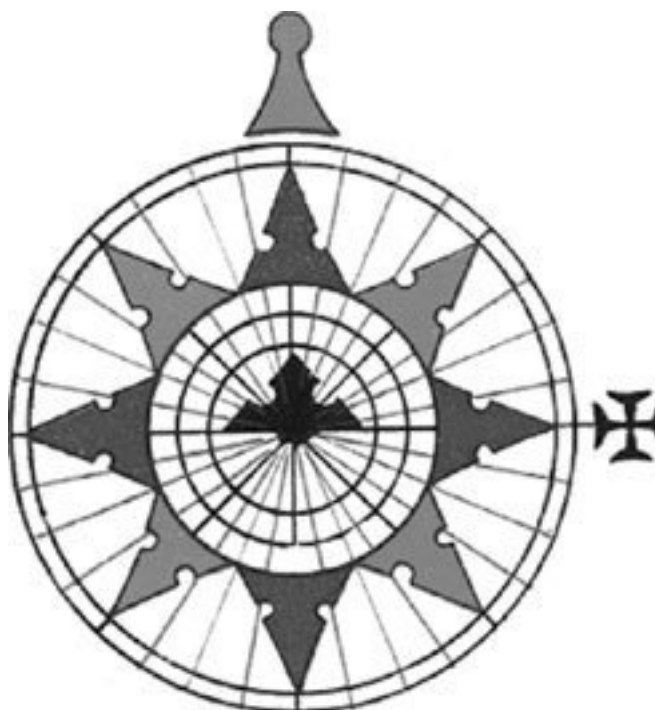

Герб да Гамы

Преимущества прямого пути в Индию, с ее сокровищами, были очевидны, равно как и угрозы сложившимся в Европе коммерческим интересам. Флорентиец Джироламо Серниджи указывал, что налоги и цены на перевозку товаров по маршруту через Красное море возросли в шесть раз, соответственно повысились и цены на европейских рынках. «Перевозчики, корабли, пошлины султану – все требует огромных затрат. Славно было бы ехать другой дорогой, чтобы вовсе обойтись без посредников. Однако мусульмане всеми силами постараются помешать португальскому королю в этом деле. Да и Венеция с Генуей не отдадут ему так запросто своих прав. Однако если король не отступит, то пряности в порту Пизы

будут продаваться многократно дешевле, поскольку доставлять их будут не из Каира, а из Лиссабона».

Экспедиция Васко да Гамы стала для всех полной неожиданностью. Благодаря ей на карте мира появились 1800 новых названий и открылась бездна новой информации об Индии, подтолкнувшей все заинтересованные мировые силы – христиан, мусульман, индуистов – к выработке новых стратегических планов, к коммерческим конфликтам и открытой войне. Ну а король Мануэл укрепился в мысли о собственном величии. К существующим титулам «король Португалии, Алгарви, Африки и правитель Гвинеи» после экспедиции да Гамы прибавились титулы «покоритель, навигатор и властелин Эфиопии, Аравии, Персии и Индии». Это была смелая заявка на мировую торговую монополию, претензия Португалии на власть в океане. Еще до возвращения да Гамы король начал готовить новую экспедицию, а впоследствии под страхом смерти запретил обнародовать его маршрутные карты – ведь знание открывало путь к богатству и власти.

Часть вторая. Завоевание: монополии и священная война. 1500–1510

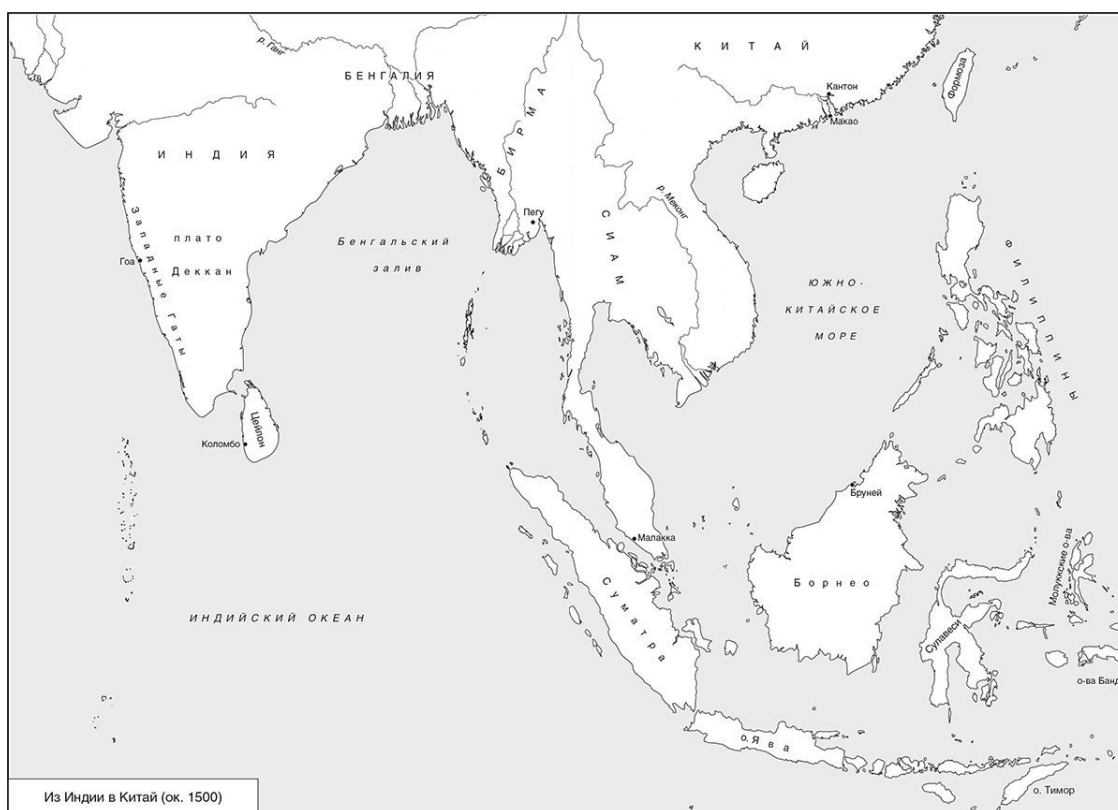

Глава 6. Кабрал. Март 1500 – октябрь 1501 года

Шесть месяцев спустя после возвращения да Гамы к отплытию из порта Белем был готов более крупный флот: 13 кораблей, 1200 человек команды. Это произошло при поддержке флорентийских и венецианских банкиров, изъявивших желание поучаствовать в

освоении Индии. И вот в 1500 году взоры всей Европы обратились на Лиссабон, где король Мануэл, преисполненный равно мессианских чувств и коммерческих соображений, отправлял в путь новую армаду под командованием идаляго Педру Алвареша Кабрала. Теперь задачи были иные – на первое место выдвинулось обогащение, хотя португальцы по-прежнему желали слыть в католическом мире заступниками веры Христовой.

Экспедиция Кабрала обозначила границу между рекогносцировкой и коммерцией с последующим завоеванием. В первые пять лет XVI столетия Мануэл станет беспрерывно снаряжать армады, одна крупнее другой – так что общее количество кораблей достигнет 81, – стремясь опередить испанцев и утвердить свое присутствие в Индийском океане. Эта задача потребовала от Португалии национального объединения и лучших материальных и людских ресурсов – моряков, корабелов, стратегов, – которые взялись за ее выполнение с напором, шокировавшим как Европу, так и Индию.

На этот раз время отправления определили не придворные астрологи, а ритм муссонных ветров, поскольку в распоряжении Кабрала имелись данные, полученные его предшественниками. Заранее было определено, что экспедиция сделает западный крюк в открытую Атлантику. Среди офицеров были выдающиеся штурманы и капитаны, такие как Перу Эшкobar, Николас Коэльо – спутники Васко да Гамы, и сам Бартоломеу Диаш. В команду входили давешние индийцы, которых обучили португальскому, дабы не привлекать для переговоров посредников-арабов. На борту был крещеный еврей Гаспар да Гама, дока в сложной политике Малабарского побережья, и второй – Мастер Иоанн, врач короля Мануэла, который плыл как флотский астроном. Ему вменялось вести наблюдение за звездами в Южном полушарии для блага будущих экспедиций.

Дабы не опозориться, подобно да Гаме, с подарками, Кабрал вез дорогие вещи, которые могли действительно прийтись по вкусу заморину. Португальцы продолжали считать его христианским правителем, хотя и неортодоксального склада. По поручению папы экс-

педицию сопровождала группа францисканских монахов, дабы попытаться направить его на путь истинный: «...индейцы должны быть более подробно ознакомлены с нашей верой, с доктриной и всем, что ей присуще, как подобает христианам, заботящимся о спасении души».

Не менее важна была и коммерческая сторона дела: персонал, секретари и товары для торговой фактории – также следовали в Каликут. Помня неудачи предыдущего вояжа, экспедиторы позаботились о том, чтобы привезенный португальцами товар был привлекателен для местных индейцев: коралловые украшения, медь, киноварь, ртуть, ткань грубого и тонкого шитья, атлас, сатин и дамаст разнообразных цветов и золотые монеты. Эту коммерческую инициативу возглавлял опытный торговый агент Айреш Корреа, говорящий по-арабски, при поддержке команды клерков и секретарей, которые, вдобавок к бухгалтерским счетам, вели и дневники. Один из них, по имени Перу Ваш де Каминья, стал автором первых записок о Бразилии.

Перерисованный фрагмент знаменитой португальской карты мира, планисферы Кантино, вывезенной из страны около 1501 г. Здесь в первый раз изображено побережье Бразилии и попугаи, «иные величиной с курицу»

Капитан Кабрал был больше дипломат, нежели моряк, снабженный сводом инструкций, в том числе и от да Гамы, которые должны были помочь ему в деле «усмирения бурных вод» и налаживания связей с «христианским» правителем заморином. Этот обширный документ подробно описывал опыт предыдущих путешествий и всевозможные ситуации, с которыми приходилось сталкиваться мореплавателям. Были также и строгие указания насчет активных упреждающих действий против тех, кто настроен враждебно.

Проводы экспедиции из Белема 9 марта 1500 года были по обычаю торжественные. Присутствовал сам король Мануэл, который лично вручил Кабралу королевский штандарт при выходе из церкви после мессы и затем участвовал в традиционной процессии, возглавляемой монахами. Весь Лиссабон собрался на берегу проводить «мужей и сыновей». Мануэл, на своей лодке, сопровождал флотилию до устья Тежу, где, в виду океана, они расстались, и корабли взяли курс на юг.

Следуя опыту да Гамы, экспедиция избрала более прямой маршрут. Без остановки прошли острова Зеленого Мыса, и тут, при ясной погоде и спокойном море, как по колдовству

исчез один корабль. Предзнаменование было явно недобрым. Далее следовало резко сменить курс на западный, а потом, с попутным ветром, снова двигаться в южном направлении. Наверное, крюк вышел шире, чем следовало, ибо 21 апреля португальцы увидели на западе «очень высокую гору с округлой вершиной», а южнее «была равнина, поросшая густым лесом».

Вид был сколь неожиданный, столь и мирный. Местное население, ходившее голышом, отличалось от племен, населяющих побережье Африки: «Эти люди имеют темную кожу и наготы не прячут. На голове у них длинные волосы, а бороды они выщипывают. На веки и брови наносят рисунки белым, черным, синим и красным. Нижнюю губу прокалывают. Их женщины тоже ходят нагие, не ведая стыда. Они длинноволосые и телом красивые». В этой земле португальцы впервые увидели гамак – «висячую кровать». Туземцы, как показалось морякам, нрава были кроткого и пугливого. Они с удовольствием танцевали под звуки волюнок, но, испугавшись чего-либо, в страхе разлетались, подобно воробьиной стае. Наблюдая, как священники служат на берегу мессу, туземцы стали копировать их движения и были признаны благодатным материалом для обращения в веру Христову.

В этой земле, названной Земля Истинного Креста (Вера-Круш), было много источников пресной воды, фруктов и диковинной живности. Португальцы поймали и съели морскую корову: «Это тварь беззубая и круглая, как средних размеров бочка, с головой свиньи и маленькими глазками, и ушами длиной в человеческую руку». В воздухе порхали яркие цветные попугаи, «иные величиной с курицу», и другие красивые птицы. Один из кораблей отправился обратно в Португалию с вестью для короля о новообретенной земле и письмом от Мастера Иоанна, астронома, наблюдавшего южные звезды. В письме он откровенно признавался, что новые астрономические приборы и таблицы широт при качке почти бесполезны: «Пока мы не достигли суши, мне не удавалось, как я ни старался, с точностью определить высоту звезд на море. Погрешность была всегда не менее четырех-пяти градусов». Другое письмо, от секретаря Перу Ваша де Каминьи, содержало подробный и красочный рассказ о чудесах нового мира и о встреченных там людях типунамба. Так началась история Бразилии. А Каминья недолго еще пробыл летописцем экспедиции, ибо вскоре погиб. 2 мая, после девяти дней пребывания в Земле Истинного Креста, португальцы продолжили путь, оставив на берегу двоих заключенных: «Они плакали, а местные пытались их утешить, знаками выражая свое сочувствие».

Флотилия держалась более южной широты, чем да Гама, рассчитывая сразу миновать мыс Доброй Надежды. 12 мая моряки увидели комету с «очень длинным хвостом в сторону Аравии». Комета была видна на протяжении недели, что было воспринято как недобрый знак. Судьба настигла их двенадцать дней спустя. 24 мая экспедиция, подгоняемая устойчивым попутным ветром, вошла в южноатлантическую зону высокого давления. И вдруг ветер резко набрал силу. Неистовый шквал ударил сзади, застав людей врасплох. Четыре корабля мгновенно затонули со всем экипажем, и товарищи ничем не смогли им помочь. Среди погибших оказался и Бартоломеу Диаш. Случилось это близ мыса, который он первым обогнул двенадцать лет ранее.

Двадцать дней шторм гнал вперед остатки флота, не позволяя поднять паруса. Наконец семь потрепанных кораблей соединились близ Мозамбика 20 июня, а восьмой корабль под командованием Диогу Диаша, добравшись до Мадагаскара, не нашел там товарищей и вернулся в Лиссабон.

Прием, оказанный Кабралу на восточном побережье Африки, был немногим лучше прежнего, но султан Мозамбика, помня португальские пушки, позволил пополнить запасы воды и дал лоцманов, чтобы идти в Килву, крупный торговый порт по соседству. Местный правитель встретил чужаков без воодушевления. Подобно мусульманам Каликута, он не хотел, чтобы кто-то со стороны вторгся на его коммерческую территорию.

Момбасу они миновали без остановки. Якорь бросили только в Малинди, где взяли штурмана для перехода через Индийский океан и апельсинов – экипаж снова одолевала цинга.

Следующая остановка была на острове Анждедива, в четырех сотнях миль к северу от Каликута. Зная из инструкции, что Васко да Гама запасался здесь водой, продуктами, ремонтировал и смолил корабли, Кабрал поступил так же. Кроме того, было известно, что остров находится на пути арабских кораблей, идущих из Красного моря в Каликут – португальцы говорили «корабли из Мекки». Если с заморином следовало завязать дружбу, то в отношении «торговцев из Мекки» у капитана имелся приказ другого характера: «Случись вам в море встретить эти корабли, вы должны попытаться захватить все их имущество, весь груз, что есть на борту, и всевозможными средствами нанести мусульманам как можно больший урон – как нации, с которой у нас древняя и жестокая вражда».

Этот приказ Кабралу полагалось довести до сведения заморина. К тому времени португальцы полностью осознавали силу и преимущество имевшегося у них вооружения. Арабские корабли полагалось расстреливать из пушек, избегая ближнего боя. Штурманов, капитанов и других ценных мореходов – если таковые найдутся – брать в плен живьем, а насчет остальных инструкция не давала четких рекомендаций. В наихудшем для пленных случае их следовало «поместить на один корабль, сняв все вооружение и оснащение, и пустить в море». Прочие суда надлежало сжечь или утопить. Словом, инструкции допускали двойное толкование, в зависимости от того, где применялись: с одной стороны, португальцы должны были установить мирную торговлю с «христианином» заморином, оказывая мусульманам в гавани сердечный прием – «кормить, поить и ублажать», но в открытом море их полагалось расстреливать из пушек. Эти инструкции запустили цепь необратимых событий, установив модель, согласно которой португальцы и впредь станут действовать в этом регионе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.